

ГЛАВА IV.

Продолженіе Сѣверной войны и дипломатическія сношенія во время путешествій Петра за границу 1711—1717 гг.

АНГЛИЧАНИНЪ ПЕРРИ, писавшій о Россіи и Петрѣ Великому въ 1714 году, замѣчаетъ, что Петръ, своими частыми поѣздками, отличается отъ всѣхъ прочихъ государей. Петръ, говоритъ Перри, путешествовалъ въ двадцать разъ болѣе, нежели другіе «потентаты». Во множествѣ поѣздокъ царя обнаруживается исполинская сила и энергія; его личное присутствіе всюду оказывалось необходимымъ. Оно оживляло работу, поддерживало стойкость его сотрудниковъ, устраняло разныя препятствія успѣха въ дѣлахъ, водворяя въ подданныхъ царя ту неутомимость, которою отличался онъ самъ. Путешествія царя свѣдѣтельствуютъ о той предприимчивости, которая не нравилась бѣльшей части его подданныхъ, любившихъ сидѣть дома и посвящать себя домашнимъ занятіямъ.

Цѣлью бѣльшей части путешествій Петра было руководство военными дѣйствіями. Первыми заграничными путешествіями его были Азовскіе походы. Затѣмъ, событія Сѣверной войны заставляли Петра часто и долго находиться, то въ шведскихъ, то въ

польскихъ провинціяхъ. Здѣсь онъ занимался осадою крѣпостей, руководилъ движеніями войскъ, участвовать въ битвахъ. Заботы во время разгара войны не давали царю возможности быть туристомъ, наблюдать особенности посѣщаемыхъ имъ странъ, изучать нравы и обычаи ихъ жителей. Однако, и эти походы должны были сдѣлаться общеобразовательною школою для царя, столь способнаго всюду учиться, вездѣ сравнивать русскіе нравы и обычаи съ иноземными и заимствовать для своей родины полезныя учрежденія. Одинъ изъ современниковъ царя Алексѣя Михайловича замѣчаетъ, что участіе его въ польскихъ походахъ во время войнъ за Малороссію, пребываніе его въ Лифляндіи и въ Польшѣ—оказались весьма важнымъ средствомъ образованія и развитія царя, и что, по возвращеніи его изъ-за границы, обнаружилось вліяніе этихъ путевыхъ впечатлѣній. Въ гороздо большей степени Петръ долженъ былъ пользоваться своимъ участіемъ въ походахъ, какъ школою для усовершенствованія своего образованія вообще.

Заграничныя путешествія Петра послѣ Полтавской битвы имѣютъ свою особенность. Царь, встрѣчаясь съ государями Польши, Пруссіи и пр., ведетъ съ ними лично переговоры о мѣрахъ для продолженія войны и объ условіяхъ заключенія мира. Таково свиданіе Петра, вскорѣ послѣ Полтавской битвы, съ Августомъ II въ Торнѣ, съ Фридрихомъ I въ Маріенвердерѣ. На пути въ турецкія владѣнія, въ 1711 году, онъ, въ Ярославлѣ, въ Галиціи, занятъ переговорами съ Шлейницемъ объ условіяхъ брака царевича Алексѣя; въ Яворовѣ онъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ княземъ Семиградскимъ, Ракоци, затѣмъ онъ знакомится съ Кантемиромъ и пр.

Особенно частымъ посѣтителемъ западной Европы Петръ сдѣлался послѣ неудачнаго Прутскаго похода. Какъ бы для отдыха, послѣ этого опаснаго и богатаго тяжелыми впечатлѣніями періода, царь отправился черезъ Польшу и Пруссію въ Дрезденъ и Карлсбадъ, и тутъ уже онъ, послѣ страшнаго напряженія военной дѣятельности, могъ посвящать себя леченію, отдыху, мирнымъ занятіямъ, развлеченіямъ. Скоро, однако, оказалось необходимымъ самоличное участіе Петра въ военныхъ операціяхъ и дипломатическихъ переговорахъ.

Путешествія Петра въ 1711 и 1712 гг.

Въ августѣ 1711 года, мы застаемъ Петра въ Польшѣ. Оттуда онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ, впрочемъ, не было короля Августа ¹⁾. При этомъ, саксонскій дипломатъ, Фицтумъ, старался узнать кое-что о политическихъ видахъ Петра и особенно тщательно расспрашивалъ его о намѣреніи вступить въ близкія сношенія съ Франціей. Царь увѣрялъ Фицтума, что пока нѣтъ ни малѣйшаго соглашенія между Россією и Людовикомъ XIV, и что онъ желаетъ болѣе всего окончить войну со Швеціею къ собственному и его союзниковъ удовольствованію ²⁾.

Во время пребыванія своего въ Карлсбадѣ ³⁾, Петръ, между прочимъ, переписывался съ Шафировымъ и Шереметевымъ о турецкихъ дѣлахъ, велъ переговоры о бракѣ царевича Алексѣя и пр. Въ Торгау, гдѣ, въ октябрѣ 1711 г., происходило бракосочетаніе царевича, Петръ впервые видѣлъ Лейбница, который въ это время былъ занятъ составленіемъ разныхъ проектовъ о распространеніи наукъ въ Россіи, объ устройствѣ магнитныхъ наблюденій въ этой странѣ и пр. «Умственные способности этого великаго государя громадны», писалъ Лейбницъ, лично познакомившись съ царемъ ⁴⁾.

Затѣмъ, въ Кроссенѣ, Петръ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, который двумя годами позже вступилъ на прусскій престолъ и во все время своего царствованія, до кончины Петра, оставался вѣрнымъ союзникомъ и другомъ Россіи. Здѣсь происходили переговоры о способахъ продолженія войны. Уже до этого союзники осаждали Стральзундъ, однако же безуспѣшно, вслѣдствіе раздора между русскими, саксонскими и датскими генералами, участвовавшими въ этомъ предпріятіи.

Именно эти неудачныя военныя дѣйствія въ Помераніи и заставили Петра, въ 1712 году, послѣ краткаго пребыванія въ Петербургѣ, отправиться за границу, къ русскому войску, находившемуся около Штетина. Тутъ онъ былъ весьма недоволенъ обра-

¹⁾ Любопытныя подробности о пребываніи Петра въ Дрезденѣ см. въ статьѣ Вебера, въ «Archiv für Sächsische Geschichte», Leipzig, 1873 г., XI, 337—351, и въ Сб. Ист. О., XX, 38 и слѣд.

²⁾ Guettier, I, 114—121, приложенія, 170—194.

³⁾ Сб. И. О., XX, 45—51.

⁴⁾ См. статью Кустодіева: «Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 гг.», Буда-Пештъ, 1873.

зомъ дѣйствій датчанъ, не поддерживавшихъ достаточно усердно операціи русскихъ. Въ раздраженіи, онъ писалъ королю Фридриху V: «сами изволите разсудить, что мнѣ ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ собственнаго интересу нѣтъ; но что здѣсь дѣлаю, то для вашего величества дѣлаю». Не было точно опредѣленной программы дѣйствій союзниковъ. Петръ писалъ русскому резиденту въ Копенгагенъ: «на удачу, безъ плана, я никакъ дѣлать не буду, ибо лучше рядомъ футъ за футъ добрымъ порядкомъ непріятеля, съ помощію Божіею, тѣснить, нежели на удачу отваживаться безъ основанія» ¹⁾.

Въ этихъ мѣстахъ, въ Грейфсвальдѣ, Вольгастѣ, Анкламѣ, на берегу Померанскаго залива, Петръ пробылъ нѣсколько недѣль. Онъ осмотрѣлъ здѣсь датскій флотъ, на которомъ былъ принятъ съ особенною честью. Несмотря на то, что датскій король отдалъ свой флотъ въ распоряженіе царю, датскіе адмиралы не исполняли приказаній Петра. Споръ объ артиллеріи, необходимой для осады Штетина, начавшейся уже въ 1711 году, продолжался. Петръ былъ крайне недоволенъ. 16-го августа, онъ, въ Вольгастѣ, имѣлъ свиданіе съ королемъ польскимъ; было рѣшено брать островъ Рюгенъ, бомбардировать Стральзундъ, но, при недружномъ дѣйствіи союзниковъ, нельзя было ожидать успѣха. Въ раздраженіи, Петръ писалъ Меншикову: «на твое письмо, кромѣ сокрушенія, отвѣтствовать не могу... что дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ, и какъ пріѣдешь, самъ увѣдаешь, что никакими мѣрами инако сдѣлать мнѣ невозможно; я себя зѣло безсчастливымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ; Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство; я не могу ночи спать отъ сего трактованья» ²⁾. Въ этомъ же тонѣ Петръ писалъ и къ Долгорукому: «зѣло, зѣло жаль, что время проходитъ въ сихъ спорахъ»; и къ Крюйсу: «желалъ бы отсель къ вамъ о добрыхъ вѣдомостяхъ писать, но оныхъ не имѣемъ, понеже многобожіе мѣшаетъ; что хотимъ, то не позволяютъ, а что совѣтуютъ, того въ дѣло произвести не могутъ» и пр. ³⁾. Переговоры съ королями прусскимъ, польскимъ и датскимъ, переписка съ разными вельможами, неудача въ военныхъ дѣйствіяхъ—все это лежало тяжелымъ бременемъ на Петрѣ. Къ Екатеринѣ онъ писалъ въ это время: «зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшею не умѣю

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 7. Голиковъ, IV, 128.

²⁾ Тамъ-же, XVII, 7.

³⁾ «Матеріалы для исторіи русскаго флота», IV, 60; I, 322.

владѣть, а въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь» ¹⁾).

На пути въ Карлсбадъ, куда Петръ опять поѣхалъ лечиться, онъ два дня пробылъ въ Берлинѣ; нѣтъ сомнѣнія, тамъ происходили болѣе или менѣе важные переговоры о дѣлахъ. Къ сожалѣнію, объ этихъ конференціяхъ мы не имѣемъ свѣдѣній ²⁾).

Въ Карлсбадъ къ государю пріѣхалъ цесарскій графъ Вратиславъ «для трактованія царскаго величества». Туда же прибылъ Лейбницъ, составившій записку, въ которой излагалъ необходимость участія Россіи въ окончаніи войны за испанское наслѣдство. Битва при Дененѣ (Denain) доставила Франціи нѣкоторый перевѣсъ. Лейбницъ, желая усиленія союзниковъ, надѣялся на царя. Содержаніе бесѣдъ знаменитаго философа съ царемъ лишь отчасти сдѣлалось извѣстнымъ; Лейбницъ старался узнать кое-что о намѣреніяхъ царя относительно Лифляндіи, но царь былъ остороженъ и не сообщалъ ничего по этому вопросу ³⁾. Возникла мысль употребить Лейбница въ качествѣ дипломата для сближенія между Австріею и Россіею.

Изъ Карлсбада Петръ, черезъ Дрезденъ и Берлинъ, отправился въ Мекленбургъ для участія въ происходившихъ тамъ военныхъ дѣйствіяхъ. Тутъ онъ опять видѣлся съ королемъ Августомъ, который послѣ этого, отправляясь въ Польшу, поручилъ свои войска царю.

2-го декабря 1712 года, Петръ писалъ Екатеринѣ: «время пришло вамъ молиться, а намъ трудиться... мы сего моменту подымаемся отсель на сикурсъ датскимъ. И тако на сей недѣль чаемъ быть бою, гдѣ все окажется, куда конъюнктуры повернутся» ⁴⁾).

Результатъ не соотвѣтствовалъ желаніямъ царя. Не дождавшись русскаго «сикурса», датскій король и саксонскій фельдмаршалъ Флеммингъ были разбиты при Гадебушѣ. Петръ, нѣсколько разъ просившій союзниковъ не вступать въ битву до прибытія къ нимъ на помощь русскаго войска, былъ чрезвычайно недоволенъ и сожалѣлъ о томъ, что «господа датчане имѣли ревность не по разуму» ⁵⁾).

¹⁾ Письма русскихъ государей, I, 21—23.

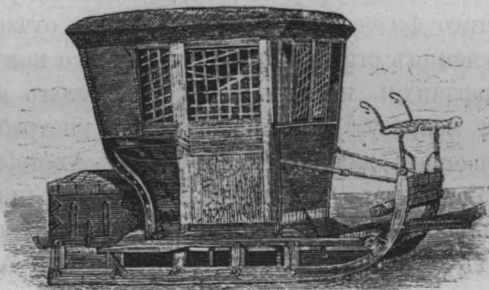
²⁾ Штелинъ, анекдоты, М. 1830 г., I, 192—193. Письма русскихъ государей, I, 24. Сб. И. О., XX, 56—60.

³⁾ Guerrier, 149.

⁴⁾ Письма русскихъ государей, I, 27.

⁵⁾ Соловьевъ, XVII, 8.

Подобнаго рода событія свидѣтельствуютъ о томъ, что датчане по возможности желали дѣйствовать безъ помощи русскихъ. Однако, послѣ пораженія при Гадебушѣ, датскій король просилъ Петра о помощи и изъявилъ желаніе видѣться съ нимъ. Свиданіе это состоялось 17-го января 1713 года, въ Рендсбургѣ; совѣщанія продолжались нѣсколько дней: происходили смотры войскъ датскихъ, саксонскихъ и русскихъ. 22-го января, оба государя отправились въ походъ. Черезъ Шлезвигъ и Гузумъ Петръ приближался къ Фридрихштадту, гдѣ ему удалось нанести сильный ударъ шведамъ. Въ этой битвѣ (30-го января) онъ самъ руководилъ дѣйствіями, принудилъ шведовъ уйти изъ города и занялъ его.

Дорожныя сани Петра Великаго.

Съ современнаго рисунка.

Послѣ битвы, царь опять встрѣтился съ королемъ датскимъ. Постоянно повторялись «консиліи» о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя, впрочемъ, на нѣкоторое время остановились, такъ какъ шведскій генералъ Стенбокъ съ войскомъ заперся въ голштинской крѣпости Тэннигенѣ. Онъ сдался не раньше 4-го мая 1713 года ¹⁾. Меншиковъ заставилъ города Гамбургъ и Любекъ заплатить значительныя суммы денегъ за то, что они не прерывали торговыхъ сношеній съ шведами; Петръ былъ очень доволенъ и писалъ Меншикову: «благодарствуемъ за деньги... зѣло нужно для покупки кораблей» ²⁾.

Военныя дѣйствія продолжались и послѣ возвращенія Петра въ Россію. Штетинъ сдался Меншикову 19-го сентября 1713 года, послѣ чего, въ силу договора, заключеннаго въ Шведтѣ, Рюгенъ и Стральзундъ были отданы въ секвестръ прусскому королю.

¹⁾ Журналъ Петра Великаго.

²⁾ Соловьевъ, XVII, 14.

Настроение умовъ въ западной Европѣ.

Сближеніе съ Пруссіею было дѣломъ особенной важности, потому что другія державы въ западной Европѣ, почти безъ исключенія, были весьма недовольны значеніемъ, пріобрѣтеннымъ Россіею послѣ Полтавской битвы. Въ Германіи появились русскія войска; русскіе дипломаты и полководцы стали дѣйствовать смѣлѣе; Куракинъ, Матвеевъ, Долгорукій, Меншиковъ и др., по случаю переговоровъ съ представителями иностранныхъ державъ, обнаруживали самоувѣренность, до того времени не замѣчавшуюся въ русскихъ дипломатахъ, находившихся на западѣ.

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

Въ Польшѣ еще до Полтавской битвы опасались, что Петръ сдѣлается фактическимъ владѣльцемъ этой страны и станетъ распоряжаться въ ней безусловно самовластно; въ Германіи было высказано мнѣніе, что царь не только завладѣетъ Польшею, но даже сдѣлается чрезвычайно опаснымъ и для Германіи, и для императора ¹⁾).

Отправленіе русскихъ войскъ сдѣлалось необходимымъ для военныхъ операцій противъ Швеціи. Появленіе русскихъ войскъ

¹⁾ Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik», IV, 1, 289.

въ Польшѣ, съ тою же цѣлью, оказалось чрезвычайно опаснымъ для этого государства; того же можно было ожидать отъ подобнаго образа дѣйствій царя въ Германіи. Даже въ Пруссіи, нуждавшейся болѣе другихъ державъ въ союзѣ съ Россіею, были высказаны такого рода опасенія. Меншиковъ, въ бытность свою, въ 1712 году, въ Берлинѣ, говорилъ тамъ отъ имени царя, какъ разсказывали, въ тонѣ диктатора; намѣреніе русскихъ занять Стральзундъ и Штетинъ привело въ ужасъ государственныхъ людей, окружавшихъ короля Фридриха I. Они были готовы протестовать рѣшительно противъ такого вмѣшательства Россіи въ дѣла Германіи ¹⁾.

Живя въ Лондонѣ, Матвеевъ еще до Полтавской битвы тайнымъ образомъ провѣдалъ о внушеніяхъ прусскаго и ганноверскаго дворовъ, что всѣмъ государямъ Европы надобно опасаться усиленія державы московской; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навывкнетъ воинскому искусству и сотретъ шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помѣшать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого, союзникамъ надобно удерживать царя внѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ настоящей войнѣ между Швеціею и Москвою помогать первой. Англія, цесарь и Голландія подчинились этому внушенію и опредѣлили не принимать царя въ союзъ, а проводить его учтивыми словами. Постоянно Матвеевъ повторялъ, что на союзъ съ Англіею нельзя надѣяться ²⁾.

Послѣ Полтавской битвы, въ Англіи съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли на вступленіе русскихъ войскъ въ Померанію. Утверждали, что въ Карлсбадѣ между царемъ и англійскимъ посланникомъ, Витвортомъ, произошелъ по поводу этого предмета очень крупный разговоръ, такъ что посланникъ счелъ благоразумнымъ удалиться. Англійскій министръ, С. Джонъ (знаменитый Болингброкъ), говорилъ русскому послу фонъ-деръ-Литу: «союзники въ Помераніи поступаютъ выше всякой мѣры: сначала увѣряли, что хотятъ только выгнать отсюда шведскій корпусъ Крассова, а теперь ясно видно, что ихъ намѣреніе выжить шведскаго короля изъ нѣмецкой земли: это уже слишкомъ!»

Въ 1713 году, англійскій посланникъ въ Голландіи, лордъ Страффордъ, объявилъ Куракину: «Англія никогда не хочетъ ви-

¹⁾ «Wir sind gleichsam der Discretion des Zaren untergeben», сказано въ рескриптѣ короля къ одному изъ дипломатическихъ агентовъ; см. соч. Дройзена, 421, 423, 430.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 61—63.

дѣтъ въ разореніи и безсиліи корону шведскую. Намѣреніе Англіи—содержать всѣ державы на сѣверѣ въ прежнемъ равновѣсіи; вашъ государь хочетъ удержать всѣ свои завоеванія, а шведскій король не хочетъ ничего уступить. Ливоніи нельзя отнять у Швеціи; надѣюсь, что вашъ государь удовольствуется Петербургомъ» и пр. Страффордъ внушалъ вліятельнымъ людямъ въ Голландіи, что, если царь будетъ владѣть гаванями на Балтійскомъ морѣ, то вскорѣ можетъ выставить свой флотъ ко вреду не только сосѣдямъ, но и отдаленнымъ государствамъ. Англійское купечество, торговавшее на Балтійскомъ морѣ, подало королевѣ проектъ, въ которомъ говорилось, что если царь будетъ имѣть свои гавани, то русскіе купцы станутъ торговать на своихъ корабляхъ со всѣми странами, тогда какъ прежде ни во Францію, ни въ Испанію, ни въ Италію нѣ бѣдили, а вся торговля была въ рукахъ англичанъ и голландцевъ; кромѣ того усилится русская торговля съ Даніей и Любекомъ.

Эти враждебныя заявленія были остановлены угрозою Петра. Возвратился въ Голландію бывшій въ Даніи посланникъ Гоусъ и донесъ своему правительству о разговорахъ, бывшихъ у него съ царемъ. Пётръ объявилъ ему, что желаетъ имѣть посредниками цесаря и голландскіе штаты, ибо надѣется на безпристрастіе этихъ державъ; не отвергаетъ и посредничества Англіи, только подозрѣваетъ ее въ нѣкоторой враждебности въ себѣ. «Я», говорилъ Пётръ, «готовъ, съ своей стороны, явить всякую умѣренность и склонность къ миру, но съ условіемъ, чтобы медиаторы поступали безъ всякихъ угрозъ, съ умѣренностію; въ противномъ случаѣ, я вотъ что сдѣлаю: разорю всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи, такъ что камня на камнѣ не останется; тогда ни шведу, ни другимъ претензіи будетъ имѣть не къ чему». Передавая эти слова, Гоусъ внушилъ, что съ царемъ надобно поступать осторожно, что онъ очень желаетъ мира, но враждебными дѣйствіями принудить его ни къ чему нельзя. «Сіе донесеніе», писалъ Куракинъ, «нашимъ дѣламъ не малую пользу учинило»¹⁾.

Въ разныхъ политическихъ брошюрахъ, появившихся въ это время, въ 1711 и 1712 годахъ, обсуждался вопросъ, насколько усиленіе Московскаго государства можетъ сдѣлаться опаснымъ для западно-европейскихъ державъ, въ особенности же печатались памфлеты съ жалобами на образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Помераніи и Мекленбургѣ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 4, 23—24.

²⁾ См. каталогъ имп. публ. библ. Russica E. 499. и S. 788.

Такимъ образомъ, настроеніе умовъ на западѣ вообще оказывалось враждебнымъ царю и Россіи. Союзники царя—Данія, Польша, Пруссія—не особенно много могли сдѣлать и довольно часто обнаруживали даже неохоту быть полезными Россіи. Другія державы мечтали о лишеніи царя выгодъ одержанныхъ имъ побѣдъ. О Франціи узнали, что эта держава тайкомъ дѣйствовала на переکورъ интересамъ Россіи, что, напр., въ Штетинѣ находился отрядъ въ 500 французовъ, воевавшихъ противъ русскихъ ¹⁾. Окончаніе войны за испанское наслѣдство грозило царю новою опасностью. Тѣ державы, которыя до этого были заняты упорною борьбою противъ Людовика XIV, теперь могли обращать большее вниманіе на Россію. Къ счастью для царя, онъ при случаѣ имѣлъ возможность сдѣлаться союзникомъ той или другой державы, такъ какъ въ сущности не прекращалась вражда между Франціею и германскими странами, между императоромъ и Пруссіею, между ганноверскимъ и берлинскимъ кабинетами и пр. Въ одно и то же время на западѣ боялись Россіи, ненавидѣли ее и искали союза съ нею. Не даромъ Лейбницъ, въ письмѣ къ курфирсту ганноверскому, выставляя на видъ необходимость сближенія съ Россіею, говорилъ: «я убѣжденъ въ томъ, что Россія будетъ на сѣверѣ имѣть то самое значеніе, которое до этого имѣла Швеція, и что даже она пойдетъ еще гораздо дальше. Такъ какъ этотъ государь весьма могущественъ, то, по моему мнѣнію, должно считать большою выгодною пользоваться его расположеніемъ и довѣріемъ ²⁾».

Отношенія Россіи къ Австріи оставались холодными, хотя въ Вѣнѣ, въ 1710 году, серьезно думали о бракѣ одной изъ эрцгерцогинь съ царевичемъ Алексѣемъ ³⁾. Сношеніе между царемъ и семиградскимъ княземъ, Рагоци, сильно не понравились императору. Зато Австрія не могла не сочувствовать Россіи по поводу несчастія на Прутѣ, такъ какъ всякое усиленіе Турціи представляло собою опасность для императора. При всемъ этомъ, ни баронъ Урбихъ, бывший резидентъ царя въ Вѣнѣ, ни пріѣхавшій туда изъ Англіи Матвеевъ, не могли склонить Австрію къ заключенію союза съ Россіею. Въ Вѣнѣ опасались сближеніемъ съ царемъ возбудить противъ себя Порту. Къ тому же, Австрія не могла желать развитія могущества Россіи, и скорѣе сочувствовала Карлу XII, осо-

¹⁾ Дройзенъ, IV, 1, 427.

²⁾ «Il semble qu'il est important d'avoir quelque crédit auprès de lui». Guerrier, прилож. II, 139.

³⁾ Соловьевъ, XVII, 95.

бенно, когда, послѣ окончанія войны за испанское наслѣдство, не было болѣе повода опасаться союза Швеціи съ Франціею. Для Австріи должно было казаться большею выгодною сдерживать Пруссію Карломъ XII, и поэтому успѣхи оружія союзниковъ въ Помераніи сильно не понравились императору.

Совсѣмъ иначе Россія относилась къ Пруссіи. Еще въ то время, когда Фридрихъ Вильгельмъ былъ лишь кронпринцемъ, Петръ (въ 1711 году) задобрилъ его подаркомъ нѣсколькимъ «великановъ» («lange Kerle»). Такого рода подарки повторялись и впослѣдствіи, когда Фридрихъ Вильгельмъ сдѣлался королемъ ¹⁾. При

Памятникъ русскимъ воинамъ, убитымъ въ Гангеутскомъ сраженіи.

всемъ томъ, однако, переговоры между русскимъ резидентомъ въ Берлинѣ и прусскими министрами не были особенно успѣшными.

Въ февралѣ 1713 года, Петръ, пребывая въ Ганноверѣ, узналъ о кончинѣ прусскаго короля, Фридриха I. Это обстоятельство заставило его отказаться отъ предполагавшагося посѣщенія прусской столицы. Однако, состоялось все-таки свиданіе между Петромъ и новымъ королемъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I, въ мѣстечкѣ Шёнгаузенѣ, близъ Берлина. Говорили о дѣлахъ, однако, царь не былъ особенно доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ государемъ. Онъ писалъ Меншикову: «здѣсь новаго короля

¹⁾ См. подробности въ особой статьѣ объ этомъ предметѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1878.

я нашелъ зѣло пріятна къ себѣ, но ни въ какое дѣйство онаго склонить не могъ, какъ я могъ разумѣть для двухъ причинъ: первое, что денегъ нѣтъ, другое, что еще много цсовъ духа шведскаго, а король самъ политическихъ дѣлъ не искусенъ, а когда даетъ въ совѣтъ министрамъ, то всякими видами помогаютъ шведамъ, къ тому еще не осмотрѣлся. То видѣвъ, я, утвердя дружбу, оставилъ ¹⁾».

Для русскаго посла въ Берлинъ была приготовлена подробная инструкція объ условіяхъ, на которыхъ Петръ желалъ заключить договоръ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ I. Предметомъ переговоровъ было пребываніе русскихъ войскъ въ Германіи и продолженіе военныхъ дѣйствій въ Помераніи.

Въ Берлинѣ не хотѣли вступить въ открытую войну съ Швеціею, но не хотѣли также, чтобъ эта держава сохранила прежнюю свою силу. Король самъ скорѣе былъ сторонникомъ Петра, какъ видно и изъ слѣдующаго, впрочемъ, нѣсколько загадочнаго эпизода, случившагося за обѣдомъ у Фридриха Вильгельма, 10-го августа 1713-го года. На этомъ обѣдѣ присутствовали посланники, русскій, шведскій и голландскій. Король предложилъ тостъ за здоровье русскаго государя, потомъ голландскихъ штатовъ и забылъ о шведскомъ королѣ (!?). Шведскій посланникъ, Фризендорфъ, отказался пить за здоровье царя (!?), вмѣсто того выпилъ за добрый миръ, и при этомъ просилъ короля, чтобъ онъ былъ посредникомъ и доставилъ Карлу XII удовлетвореніе, возвратилъ ему Лифляндію и другія завоеванія, ибо король прусскій не можетъ желать усиленія царя. Король отвѣчалъ: «удовлетвореніе слѣдуетъ царскому величеству, а не шведскому королю, и я не буду совѣтовать русскому государю возвращать Ливонію, разсуждая по себѣ, если бы мнѣ случилось отъ непріятеля что завоевать, то я бы не захотѣлъ назадъ возвратить; притомъ царское величество добрый сосѣдъ и другихъ не беспокоить; а что касается посредничества, то я въ чужія дѣла мѣшаться не хочу». Фризендорфъ напомнилъ о дружбѣ, которая была всегда между Швеціею и Пруссіею при покойномъ королѣ, Фридрихѣ I; въ отвѣтъ Фридрихъ Вильгельмъ припомнилъ тѣсный союзъ Швеціи съ Франціею. «Одного только не достааетъ, чтобъ французскій гербъ былъ на шведскихъ знаменахъ», сказалъ между прочимъ король. Фризендорфъ началъ увѣрять, что такого союза нѣтъ между Швеціею и Франціею. — «А

¹⁾ Голиковъ, IX, 194—199 и доп. IX, 238—239. Голиковъ ошибается, говоря, что Петръ былъ въ Берлинѣ, какъ видно изъ журнала.

хочешь, расскажу, что ты мнѣ говорилъ шесть недѣль тому назадъ?» сказалъ король. Фризендорфъ испугался: «я это говорилъ вашему величеству наединѣ, какъ отцу духовному», сказалъ онъ, и прибавилъ, что король все шутить. — «Говорю, какъ думаю», отвѣчалъ король, «и никого манить не хочу» ¹⁾.

При всемъ своемъ расположеніи къ царю, король прусскій не хотѣлъ обѣщать рѣшительныхъ дѣйствій, указывая на необходимость привести прежде всего въ надлежащее состояніе финансы своего государства. Самъ король желалъ Петру добра и былъ ему отъ души благодаренъ за отдачу въ секвестръ Пруссіи завоеванныхъ шведскихъ областей и городовъ ²⁾. Министры Фридриха Вильгельма, однако, не переставали опасаться чрезмѣрнаго перевѣса Россіи. Въ декабрѣ 1713 года, Ильгенъ передалъ королю меморіаль, въ которомъ говорилось о выгодахъ союза съ Швеціею и о необходимости восстановленія прежняго равновѣсія на сѣверѣ. Соглашаясь съ нѣкоторыми мыслями Ильгена, король, однако, при прочтеніи меморіала, написалъ на поляхъ его: «хорошо, но царь долженъ удержать за собою Петербургъ съ гаванью и со всѣми принадлежностями, исключая Лифляндіи и Курляндіи» ³⁾. Въ меморіалѣ было сказано далѣе, что Лифляндія не можетъ представить собою какого либо затрудненія, такъ какъ царь обязался отдать эту провинцію польскому королю; Ильгенъ предвидѣлъ, что дѣло не обойдется безъ затрудненій, и даже считалъ возможною войну между Пруссіею и Россіею ⁴⁾.

Столкновеніе между Петромъ и Пруссіею было немыслимо. Напротивъ, отношенія обѣихъ державъ становились все болѣе дружескими. Петръ особенно радушно принялъ пріѣхавшаго въ Россію прусскаго посланника, Шлиппенбаха, и въ бесѣдѣ съ нимъ, весною 1714 года, замѣтилъ, что готѣвъ гарантировать королю пріобрѣтеніе Штетина и всей Помераніи до рѣки Пеене, въ случаѣ гарантированія королемъ Россіи пріобрѣтенія Кареліи и Ингерманландіи ⁵⁾. Столь же дружелюбно бесѣдовалъ король Фридрихъ Виль-

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 17—18, ссылается на «Прусскія дѣла 1713 года» въ архивѣ. Подробности разсказа подлежатъ нѣкоторому сомнѣнію; сущность дѣла правдоподобна.

²⁾ См. его слова къ Головкину у Соловьева XVII, 20.

³⁾ Документъ находится въ берлинскомъ архивѣ; Дройзенъ читалъ замѣтку короля: «Der Zar muss Petersburg behalten, Liefland mit»; Ширренъ утверждаетъ, что тутъ сказано «Liefland mit», т. е. «nicht».

⁴⁾ Droysen, «Gesch. d. pr. Pol.». IV, 2, 76—77.

⁵⁾ Тамъ же, 2, 89, 92.

гельмъ IV съ Головкинымъ въ Берлинѣ, замѣчая между прочимъ: «теперь я ни на кого такъ не надѣюсь, какъ на царское величество, а главное, питаю особенную любовь къ персонѣ его царскаго величества ¹⁾».

Такимъ образомъ, важнѣйшимъ союзникомъ Петра оставалась Пруссія. Дальнѣйшіе успѣхи Россіи въ борьбѣ съ Карломъ XII содѣйствовали все болѣе и болѣе сближенію обѣихъ державъ.

Гангэутъ.

Около этого времени Финляндія сдѣлалась особенно важнымъ театромъ военныхъ дѣйствій.

Русскія войска Петровскаго времени.

Съ рисунка художника Н. Загорскаго.

Находясь въ Карлсбадѣ, Петръ, уже въ октябрѣ 1712 года, писалъ Апраксину о необходимости энергическихъ дѣйствій въ Финляндіи: «идти не для разоренія, но чтобъ овладѣть, хотя она (Финляндія) намъ не нужна вовсе; удерживать по двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое было бы что, при мирѣ, уступить,

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 44.

о которомъ шведы уже явно говорить починають; другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешъ; не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допустить лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ ¹⁾).

Тотчасъ же послѣ возвращенія въ Петербургъ, раннею весною 1713 года, царь занялся приготовленіемъ къ походу въ Финляндію. 26-го апрѣля, 16,000-ное войско, на галерномъ флотѣ, состоявшемъ изъ 200 судовъ, отправилось туда. Въ качествѣ «шаутбенахта», или контръ-адмирала, самъ Петръ командовалъ авангардомъ флота. Безъ боя шведы уступили русскимъ города Гельсингфорсъ, Борго и Або. Такимъ образомъ, въ короткое время весь южный

Русскія войска Петровскаго времени.

Съ рисунка художника Н. Загорскаго.

берегъ Финляндіи былъ занятъ русскими войсками. Не раньше какъ въ октябрѣ, происходило столкновеніе съ шведами; при рѣкѣ Пенкени, у Таммерфорса, шведскій генералъ Армфельдъ былъ разбитъ Апраксинымъ и княземъ Мих. Мих. Голицынымъ; слѣдствіемъ побѣды было то, что вся почти Финляндія, до Каяніи, находилась въ рукахъ русскихъ.

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 12.

Подобно тому, какъ Карлъ XII, въ 1708 и 1709 годахъ, обращался къ малороссіянамъ съ разными манифестами, теперь царь такими же грамотами старался дѣйствовать на жителей Финляндіи ¹⁾.

Военныя дѣйствія продолжались и зимою. Въ февралѣ 1714 года, князь М. М. Голицынъ еще разъ разбилъ Армфельда при Вазѣ. Выборгскій губернаторъ, Шуваловъ, занялъ крѣпость Нейшлотъ. Но самымъ замѣчательнымъ дѣломъ была побѣда, одержанная русскимъ галернымъ флотомъ, подъ начальствомъ Апраксина, при Гангеутѣ, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ шведскій контръ-адмиралъ Эреншѣльдъ (27-го іюля).

Петръ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, писалъ лифляндскому губернатору тотчасъ же послѣ битвы: «объявляемъ вамъ, коимъ образомъ Всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ; ибо, по много дарованнымъ побѣдамъ на земли, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ» ²⁾. Въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ Петръ писалъ и Екатеринѣ, описывая подробно ходъ дѣла и посылая ей «планъ атаки».

Впослѣдствіи, въ перепискѣ Петра съ Екатериною, память о Гангеутской битвѣ занимаетъ столь-же видное мѣсто, какъ воспоминаніе о Полтавѣ. Такъ, напримѣръ, 31 іюля 1718 года, Екатерина, въ письмѣ къ царю, желаетъ ему «такое-жъ получить счастье, какъ имѣли прошлаго 1714 года: будучи шоутбейнахтомъ, взяли шоутбейнахта». И въ 1719 году, въ день Гангеутскаго сраженія, Екатерина, въ письмѣ къ Петру, вспоминала о «славной побѣдѣ», въ которой царю удалось взять въ плѣнъ «камарата своей въ то время саржи» (charge—должность). Находясь въ Финляндіи, въ 1719 году, Петръ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, выразилъ надежду «праздники взять въ Ангутѣ, въ землѣ обѣтованной» ³⁾. И на современниковъ Гангеутская битва произвела глубокое впечатлѣніе. Вольтеръ сравниваетъ Гангеутъ съ Полтавою ⁴⁾.

Послѣ Гангеутской битвы русскій флотъ отправился къ Аландскимъ островамъ, что навело ужасъ на Швецію, ибо Аландъ находился только въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Царь съ небывалымъ торжествомъ возвратился въ парадизъ и былъ въ сенатѣ про-

¹⁾ См. подобные манифесты въ Имп. Публ. Библ.—каталогъ «Russica», U. 156, M. 260.

²⁾ «Осмынадцатый вѣкъ», изд. Бартеневымъ, IV, 21.

³⁾ Письма русскихъ государей, I, 76, 89, 107—108, 128, 155.

⁴⁾ Брошюры объ этомъ событіи въ Имп. Публ. Библ.—каталогъ «Russica», S. 719, R. 864, B. 1086. Voltaire, II, 62.

возглашенъ вице-адмираломъ. Однако, военныя дѣйствія 1714 года кончились неудачно. Апраксинъ съ галернымъ флотомъ много потерпѣлъ осенью отъ бури, причемъ потонуло 16 галеръ, а людей погибло около 300 человекъ ¹⁾).

Между тѣмъ, началась осада Стральзунда союзными войсками. Въ 1715 году, этотъ городъ сдался, несмотря на то, что самъ Карлъ XII, наконецъ, покинувшій турецкія владѣнія, прибылъ въ Стральзундъ для защиты столь важнаго мѣста. Въ 1716 году сдался союзникамъ Висмаръ.

Участіе Петра въ дѣлахъ западной Европы становилось все болѣе и болѣе успѣшнымъ. Прежнія понятія о ничтожности Россіи превратились въ совершенно противоположную оцѣнку гениальной личности Петра и силъ и средствъ, находившихся въ распоряженіи Россіи при царѣ-преобразователѣ.

Данцигъ. Пирмонтъ.

Путешествіе Петра за границу, въ 1716 и 1717 годахъ, отличается отъ поѣздокъ 1711 и 1712 годовъ и продолжительностью, и дальностью. Никогда Петръ такъ долго не находился за границей, какъ въ это путешествіе, относящееся къ самому блестящему времени его внѣшней политики.

Наканунѣ этого путешествія, происходили довольно важныя военныя дѣйствія въ Помераніи. Успѣхи русскихъ войскъ сильно озадачивали даже союзниковъ Россіи, не говоря уже о ея противникахъ. Только прусскій король оказался весьма довольнымъ торжествомъ Россіи, надѣясь на полученіе значительныхъ выгодъ при посредствѣ царя.

Достойно вниманія случившееся около этого же времени первое знакомство Петра съ англійскимъ адмираломъ Норрисомъ. Лѣтомъ 1715 года, царь находился въ Ревелѣ и много крейсировалъ въ окрестностяхъ этого города. Туда же прибылъ Норрисъ съ эскадрой, и царь нѣсколько разъ, иногда даже въ сопровожденіи Екатерины, бывалъ гостемъ адмирала. Послѣдній былъ также приглашаемъ къ царю ²⁾). Знакомство съ Норрисомъ возобновилось въ 1716 году, въ пребываніе Петра въ Копенгагенѣ.

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 38—39.

²⁾ Походные журн. 1715 г., 62—64.

Уже съ 1712 года завязались сношенія между Россіей и Мекленбургомъ. Затруднительное положеніе, въ которомъ находился герцогъ Карль-Леопольдъ, заставило его искать покровительства у самаго сильнаго изъ союзныхъ государей, у царя. Чтобы упрочить себѣ это покровительство, герцогъ рѣшился предложить свою руку племянницѣ Петра, Екатеринѣ Ивановнѣ. Въ началѣ 1716 года, въ Петербургѣ былъ заключенъ брачный договоръ. На западѣ стали подозрѣвать, что Петръ намѣревался назначить въ приданое племянницѣ кое-какія завоеванія. Начали говорить о Висмарѣ. Куракинъ представлялъ Петру, что всѣ эти планы «противны» двору англійскому и что на западѣ не желаютъ, чтобы Россія имѣла сообщеніе съ Германіей посредствомъ Балтійскаго моря ¹⁾.

27-го января 1716 года, Петръ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Ригѣ происходили переговоры между Петромъ и адъютантомъ прусскаго короля, Грёбеномъ, о военныхъ дѣйствіяхъ въ Помераніи, въ особенности же о городѣ Висмарѣ ²⁾. Затѣмъ, Петръ отправился въ Данцигъ, куда прибылъ и король Августъ. Уже до этого король испытывалъ превосходство Россіи, содержавшей въ Польшѣ свои войска и нерѣдко обращавшейся съ нею, какъ съ завоеванною страной. Въ Данцигѣ Петръ распоряжался, какъ у себя дома. Онъ былъ встрѣченъ русскими генералами; тамъ было много русскихъ войскъ; около Данцига находился русскій флотъ. Король Августъ производилъ на современниковъ скорѣе впечатлѣніе вассала, угождавшаго своему ленному владѣтелю, нежели хозяина дома, принимавшаго у себя почетнаго гостя. Видя съ какою надменностью Петръ въ Данцигѣ обращался съ королемъ Августомъ, современники въ западной Европѣ ужаснулись ³⁾. Пруссіе министры опять представляли своему королю опасность, грозившую ему со стороны Петра, но король выразилъ надежду, что Пруссія всегда будетъ въ состояніи доказать Россіи, какая разница существуетъ между Польшей и Пруссіей ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, устраиваемые Петромъ въ Данцигѣ смотры казались демонстраціями, имѣвшими цѣлью внушить современникамъ высокое понятіе о значеніи Россіи.

Петръ былъ чрезвычайно недоволенъ настроеніемъ умовъ въ Данцигѣ и строго требовалъ прекращенія всѣхъ связей между

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 52.

²⁾ Голиковъ, доп., XI, 92—101.

³⁾ См. статью Рейхардта о королѣ Августѣ, въ журналѣ «Im neuen Reich», 1877 г., № 25.

⁴⁾ Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik», IV, 2, 157—158.

этимъ городомъ и шведами. Вопросъ объ отношеніяхъ царя и русскаго войска къ Данцигу надѣлалъ довольно много шума. Данцигъ обратился къ Нидерландской республикѣ и къ англійскому королю за помощію.

И осада Висмара не обошлась безъ непріятностей. Между русскими, прусскими и датскими генералами происходило разногласіе. Князь А. И. Репнинъ, командовавшій русскими войсками, явился поздно, такъ-сказать, наканунѣ сдачи города. Датскій генераль Девицъ объявилъ Репнину, что не можетъ впустить русскихъ въ

Допросъ шпіона.

Съ рисунка шведскаго художника Седенштрома.

сдавшійся городъ. Дѣло чуть не дошло до насилія, но русскія войска не были впущены въ Висмаръ, и Репнинъ былъ принужденъ вернуться назадъ. Петръ, имѣя въ виду высадку въ Шонію, что, по его мнѣнію, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ войны, не хотѣлъ ссориться съ Даніею, и ограничился сильными представленіями королю насчетъ поступка генерала Девица ¹⁾.

Все это происходило во время пребыванія Петра въ Данцигѣ, гдѣ, 8-го апрѣля, отпраздновали свадьбу племянницы царя съ гер-

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 55—56.

цегомъ Мекленбургскимъ. На пути изъ Данцига въ Мекленбургъ, Петръ, въ Штетинѣ, встрѣтился съ прусскимъ королемъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось свѣдѣній о переговорахъ при этомъ случаѣ¹⁾. На пути въ Шверинъ, Петръ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчалъ отряды русскихъ войскъ. Во время пребыванія Петра въ Шверинѣ, происходили переговоры объ условіяхъ брака герцога, о городѣ Висмарѣ, объ удовлетвореніи герцога за военные убытки, и, какъ считается вѣроятнымъ, о проектѣ промѣна Мекленбурга на Курляндію.

Царь и его спутники, какъ видно изъ разныхъ случаевъ произвольныхъ дѣйствій, чувствовали себя въ Мекленбургской области, какъ у себя дома, и не стѣснялись нисколько распоряжаться по своему усмотрѣнію. Насильственные мѣры герцога, по отношенію къ дворянству, были, повидимому, одобрены царемъ. Такой образъ дѣйствій русскихъ раздражалъ не только противниковъ, но и союзниковъ царя. Германскій императоръ не переставалъ убѣждать царя вывести свои войска изъ Мекленбурга. И Англія заявляла о своемъ неудовольствіи по поводу дѣйствій русскихъ²⁾.

Во время пребыванія Петра въ Гамбургѣ, царь велъ переговоры съ пріѣхавшимъ туда же королемъ датскимъ и условился съ нимъ о нападеніи на Шонію³⁾. Вскорѣ оказалось, что другіе союзники, Ганноверъ и Пруссія, были весьма недовольны этимъ соглашеніемъ. Королю датскому представляли, въ какой мѣрѣ должно было казаться опаснымъ появленіе въ Германіи, по пути въ Данію, тридцатитысячнаго русскаго войска, и указывали, что русскія войска будутъ содѣйствовать разоренію Мекленбурга, Помераніи, Голштиніи и Даніи, что царь, по всей вѣроятности, намѣренъ взять себѣ или Висмаръ, или какую-либо укрѣпленную гавань въ Помераніи, и что, допустивъ разъ къ себѣ столь опасныхъ гостей, чрезвычайно трудно сбыть ихъ съ рукъ⁴⁾.

Послѣ свиданія съ Фридрихомъ IV, Петръ отправился въ Пирмонтъ для леченія. Здѣсь онъ пробылъ отъ 26-го мая до 15-го іюня. Сюда пріѣхалъ и Лейбницъ, который нѣсколько дней провель въ бесѣдахъ съ царемъ о разныхъ проектахъ, задуманныхъ

¹⁾ Журналъ 1716, 21—22. Herrmann, IV, 84.

²⁾ См. многія любопытныя подробности о пребываніи въ Мекленбургѣ, по разсказамъ Эйхгольца въ «Русской Старинѣ», XII, 13—18.

³⁾ Соловьевъ, XVII, 56. «Матер. для исторіи русскаго флота», II, 71. Нѣкоторыя важныя данныя объ отношеніяхъ Петра къ Даніи и о заключеніи этой конвенціи, въ соч. «Studier til den store nordiske Krigs Historie, Af. Dr. E. Holm», Kjobenhavn, 1881 г., 1—43.

⁴⁾ Herrmann, «Peter d. Gr.», стр. IX.

имъ для Россіи. Въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ, Лейбницъ восхвалялъ громадныя способности царя, его опытность, многостороннія познанія, его страсть заниматься механикой, астрономіей, географіей и пр.

Леченіе, развлеченія, бесѣды съ Лейбницомъ—не мѣшали Петру заниматься политическими дѣлами. Дипломатическіе переговоры не прекращались. При царѣ были его министры. Въ Пирмонтѣ явились представители различныхъ державъ и побывали у царя, чтобы пожелать ему успѣшнаго пользованія минеральными водами. Между этими дипломатами находился императорскій посолъ, графъ фонъ-Мечъ, которому было поручено Карломъ VI отъ имени императора просить Петра, чтобы онъ оставилъ свое намѣреніе сдѣлать высадку въ Шонію и вывелъ свои войска изъ Мекленбургской области ¹⁾.

Гораздо важнѣе были переговоры, веденные гессенъ-кассельскимъ дипломатомъ, оберъ-гофмаршаломъ и тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Кетлеромъ. Сынъ ландграфа гессенъ-кассельскаго, Карла, былъ женатъ на сестрѣ шведскаго короля, Карла XII. Поэтому, ландграфъ желалъ взять на себя роль посредника между Карломъ XII и Петромъ. Кетлеру было поручено разузнать въ Пирмонтѣ, на какихъ условіяхъ царь согласился бы заключить миръ съ Швеціею. Посредствомъ предварительнаго соглашенія между Петромъ и шведскимъ королемъ, ландграфъ надѣялся принудить и прочихъ противниковъ Карла XII къ заключенію мира. Отношенія Петра къ союзникамъ, однако, требовали крайней осторожности, и потому царь не далъ рѣшительнаго отвѣта ²⁾.

Такимъ образомъ, въ Пирмонтѣ начались переговоры, которые затѣмъ продолжались въ Гаагѣ. Лѣтомъ 1716 года, Куракинъ въ Гаагѣ имѣлъ свиданіе съ генераль-лейтенантомъ Ранкомъ, бывшимъ шведскимъ подданнымъ, вступившимъ на службу ландграфа гессенъ-кассельскаго. Ранкъ передалъ слѣдующія слова Петра, сказанныя въ Пирмонтѣ въ отвѣтъ на предложенія Кетлера: «можно ли со шведскимъ королемъ переговариваться о мирѣ, когда онъ не имѣетъ никакого желанія мириться и называетъ меня и весь народъ русскій варварами?» Передавая эти слова Петра, Ранкъ замѣтилъ Куракину, что царю несправедливо донесено объ отзывѣхъ о немъ Карла XII. «Я», говорилъ Ранкъ, «былъ при шведскомъ королѣ въ Турціи и въ Стральзундѣ съ полгода, и во

¹⁾ Германъ, IX.

²⁾ Изъ марбургскаго архива у Германа, XI—XII.

все время Карлъ отзывался о царскомъ велиествѣ съ большимъ уваженіемъ: онъ считаетъ его первымъ государемъ въ цѣлой Европѣ. Надобно всячески стараться уничтожить личное раздраженіе между государями, ибо этимъ проложится дорога къ миру между ними» ¹⁾.

Несмотря на представленія императорскаго двора, несмотря на увѣренія ландграфа гессенъ-кассельскаго относительно склонности Карла XII къ миру, Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости продолжать военныя дѣйствія, и именно сдѣлать высадку въ южной части Швеціи. Для такого морского похода Петръ нуждался въ

Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ.

Съ портрета, принадлежащаго Академіи Художествъ.

свѣжихъ силахъ, и потому былъ особенно доволенъ успѣхомъ леченія въ Пирмонтѣ.

Изъ Пирмонта Петръ отправился въ Данію. Между тѣмъ, какъ онъ поѣхалъ черезъ Ростокъ и оттуда съ галернымъ флотомъ приближался къ Копенгагену, 5,000 человекъ конницы двигались изъ Мекленбурга чрезъ Голштинію, Шлезвигъ, къ острову Фюнень. Такимъ образомъ, Петръ явился въ Данію съ значительными военными силами.

Отъ успѣха десанта въ Шонію можно было ожидать окончанія войны. «Кризисъ на сѣверѣ» помѣшалъ этому успѣху.

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 61—62.

«Кризисъ на Сѣверѣ».

Мысль о десантѣ въ Швецію занимала Петра съ давнихъ поръ. Для этой цѣли было необходимо содѣйствіе Даніи. Уже въ 1713 году, царемъ было сдѣлано предложеніе атаковать Карлс-крону ¹⁾. Затѣмъ, въ 1715 году, былъ составленъ проектъ о со-вмѣстномъ дѣйствіи русскаго и датскаго флотовъ ²⁾.

Нападеніе на Швецію Петръ считалъ необходимымъ сред-ствомъ принудить Карла XII къ заключенію мира. Король Фрид-

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.

Съ портрета, принадлежащаго князю А. Б. Куракину.

рихъ IV при этомъ, однако, жаловался на недостатокъ въ день-гахъ, рассчитывалъ на русскія субсидіи, медлилъ, извинялся раз-ными затрудненіями, въ которыхъ онъ самъ находился, необхо-димостью прикрывать берега Норвегіи и пр. Петръ былъ очень недоволенъ и старался дѣйствовать на короля черезъ русскаго по-сла въ Копенгагенѣ, князя В. Л. Долгорукаго.

¹⁾ Holm, 7.

²⁾ «Мат. для ист. флота», IV, 87.

Желая сосредоточить свои войска и свою эскадру въ Даніи, чтобъ оттуда напасть на Швецію, царь принималъ разныя мѣры для перевозки и прокормленія солдатъ и моряковъ. При этомъ происходили частыя столкновенія съ Данією. Долгорукій постоянно долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы Данія исполнила обѣщанія, данныя въ маѣ 1716 года, въ конвенціи, заключенной между царемъ и Фридрихомъ IV близъ Гамбурга. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій удачнаго исхода имѣвшагося въ виду предпріятія было число транспортныхъ судовъ для перевозки значительныхъ массъ русскихъ войскъ изъ Мекленбурга въ Данію. Многое зависѣло отъ исполненія этого обѣщанія со стороны датскаго короля.

Со всѣхъ сторонъ начали сосредоточиваться въ Копенгагенѣ значительныя военныя силы. Изъ Англіи туда прибылъ Бредаль съ русскою эскадрой, снаряженною въ Англіи. Изъ Ревеля ожидали прибытія большого русскаго флота; изъ Мекленбурга сухопутныя войска должны были отправиться въ Данію; галерный флотъ отъ береговъ Помераніи приближался къ Варнемюнде. Такимъ образомъ, Петръ, отправляясь въ Данію, могъ ожидать исполненія въ ближайшемъ будущемъ своего желанія нанести сильный ударъ самой Швеціи и этимъ принудить Карла XII къ миру. Первымъ условіемъ успѣха было согласіе союзниковъ.

Надежды Петра не сбылись. Военныя дѣйствія сдѣлались невозможными, вслѣдствіе разлада между союзниками. Опасенія чрезмѣрнаго могущества Петра росли. Самъ Петръ не довѣрялъ союзникамъ. До настоящаго времени, впрочемъ, при недостаточномъ матеріалѣ закулисной дипломатической исторіи, остается невозможнымъ разъяснить вопросъ, что было причиной неосуществленія десанта въ Шонію: царь обвинялъ союзниковъ въ неохотѣ къ дѣйствіямъ, въ умышленномъ замедленіи хода дѣлъ; союзники же обвиняли царя въ томъ, что онъ, серьезно думая о заключеніи сепаратнаго мира съ Швеціей, самъ не хотѣлъ дѣйствовать. Дѣло въ томъ, что интересы союзниковъ шли врознь. Особенно Англія не желала чрезмѣрнаго униженія Швеціи и возвышенія Россіи. И англичане, и датчане въ это время относились къ Петру враждебно, хотя ихъ внутреннее озлобленіе и прикрывалось внѣшними формами приличія, учтивости и даже дружбы¹⁾.

Петръ могъ быть доволенъ оказаннымъ не только ему, но и царицѣ Екатеринѣ въ Копенгагенѣ пріемомъ. Саксонскій дипло-

¹⁾ См. подробности въ моей статьѣ «Путешествіа Петра 1711—1717», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1880 г., СЛІ, стр. 161—168.

мать Лосъ писалъ барону Мантейфелю: «король датскій всячески старается угодить царю; королева отдала первая визитъ царицѣ» и пр. Но въ то же время Лосъ сообщилъ о нѣкоторыхъ случаяхъ недоразумѣній, происходившихъ между Фридрихомъ IV и Петромъ. Царь хотѣлъ чаще видѣться съ королемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ правила этикета, король же иногда бывалъ недоступнымъ, избѣгалъ встрѣчъ съ Петромъ ¹⁾. Къ тому же, датчане объявили, что нельзя приступить къ экспедиціи въ Шонію до прибытія адмирала Габеля, находившагося съ датскою эскадрою тогда у береговъ Норвегіи ²⁾.

22-го іюля, наконецъ, царь, не вытерпѣвъ, отправился на шнявѣ Принцессѣ, въ сопровожденіи двухъ судовъ, для рекогносцировки шведскаго берега къ сѣверу отъ Копенгагена до Ландскроны и дальше. Тутъ Петръ увидѣлъ, что непріятель укрѣпилъ всѣ удобныя для десанта мѣста. На третій день онъ возвратился въ Копенгагенъ. Даже и послѣ приѣзда Габеля старанія Петра склонить датчанъ къ ускоренію дѣйствій не имѣли успѣха. Петръ писалъ къ Апраксину: «все добро дѣлается, только датскою скоростью; жаль времени, да дѣлать нечего».

Наконецъ, въ началѣ августа, на копенгагенскомъ рейдѣ происходила торжественная церемонія отправления соединенныхъ эскадръ «въ походъ». При этомъ Петръ игралъ первенствующую роль. Онъ казался душею всего предпріятія. Ему принадлежала инициатива похода. Онъ былъ главнокомандующимъ. Ему было оказываемо особенное уваженіе, какъ начальнику.

Не прошло еще двухъ десятилѣтій, какъ Петръ въ Голландіи учился морскому дѣлу. Съ тѣхъ поръ Россія сдѣлалась сильною морскою державою, первокласнымъ государствомъ. Царь находился во главѣ союза, составившагося противъ Швеціи, и, въ качествѣ моряка и воина, какъ специалистъ въ морской войнѣ, онъ стоялъ возлѣ адмираловъ Англіи, Голландіи, Даніи. Положеніе Россіи, значеніе царя—заставляли иностранныхъ адмираловъ признать Петра начальникомъ экспедиціи. Въ память этого событія была выбита медаль, на которой царь былъ представленъ окруженнымъ трофеями съ надписью: «Петръ Великій Всероссійскій, 1716 годъ»,—на другой сторонѣ изображенъ Нептунъ, владѣющій четырьмя флагами, съ надписью: «владычествуетъ четырьмя» ³⁾.

¹⁾ Сб. И. О. XX, 61—64.

²⁾ Журналъ, 1716 г.

³⁾ Iversen, «Medaillen auf d. Thaten P. d. Gr.», S. Pet. 1872. стр. 46.

Баронъ Шафировъ писалъ къ князю Меншикову: «такой чести ни который монархъ отъ начала свѣта не имѣлъ, что изволить нынѣ командовать четырехъ народовъ флотами, а именно: англійскимъ, русскимъ, датскимъ и голландскимъ, чѣмъ вашу свѣтлость поздравляю» ¹⁾.

Однако, при всѣхъ любезностяхъ, при всей торжественности морского этикета, скоро обнаружилось нѣкоторое несогласіе между начальствами союзныхъ эскадръ. Морской походъ не повелъ ни къ какому результату. Высадка на берега Швеціи не состоялась. Нигдѣ союзники не встрѣтили шведскаго флота, благоразумно скрывавшагося въ удобной и сильной шведской гавани Карлскронѣ. Весь походъ, такимъ образомъ, остался простой рекогносцировкой въ большихъ размѣрахъ и обратился въ прогулку, имѣвшую значеніе политической демонстраціи ²⁾.

Чрезвычайно рельефно Петръ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, характеризовалъ странное положеніе, въ которомъ онъ находился. 13-го августа, онъ писалъ ей съ корабля Ингерманландія: «о здѣшнемъ объявляемъ, что болтаемся тунѣ, ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенія, а наипаче коренныя сволочь хотять, да пристяжныя не думаютъ; чего для я намѣренъ скоро отсель къ вамъ быть» ³⁾.

Очевидно, царю надоѣло «болтаніе тунѣ», такъ какъ отъ подобныхъ военныхъ дѣйствій нельзя было ожидать никакого успѣха; онъ, по всей вѣроятности, скорѣе надѣялся на дипломатическіе переговоры. На союзниковъ нельзя было полагаться; нужно было думать о мирѣ со Швеціею помимо союзниковъ. Мы знаемъ, что уже въ Пирмонтѣ царю было сдѣлано предложеніе заключить сепаратный миръ. Переговоры, происходившіе въ Голландіи, послѣ пребыванія царя въ Даніи, а немного позже съѣздъ русскихъ и шведскихъ дипломатовъ на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, заставляютъ насъ считать вѣроятнымъ, что уже во время пребыванія въ Даніи, при нерадѣніи союзниковъ, царь мечталъ о сепаратномъ мирѣ.

Поэтому Петръ долженъ былъ думать о возвращеніи въ Копенгагенъ, гдѣ онъ предполагалъ сосредоточить всѣ находившіяся въ его распоряженіи сухопутныя силы. Для этого онъ нуждался въ транспортныхъ судахъ датчанъ. Какъ видно, царь все еще, на

¹⁾ «Мат. для ист. фл.», II, 110.

²⁾ Подробности см. въ «Пох. Журн.» 1716 г.

³⁾ См. Письма русск. госуд., 9, гдѣ число этого письма ошибочно показано 13-го іюля, вмѣсто 13-го августа.

всякій случай, былъ занятъ мыслію о продолженіи военныхъ дѣйствій, о сильномъ ударѣ, который нужно нанести Швеціи для окончанія войны. Однако, датчане медлили доставленіемъ транспортныхъ судовъ, и вслѣдствіе этого росло раздраженіе царя. Петръ, еще находясь на флотѣ, прямо говорилъ адмираламъ о нерадѣніи: «если датчане того не исполняютъ, то они будутъ причиною худого Сѣвернаго союза» ¹⁾.

Пріѣхавъ въ Копенгагенъ 24-го августа, Петръ тотчасъ-же спросилъ о причинахъ замедленія въ отправкѣ транспортныхъ судовъ. Есть основаніе думать, что объясненія по этому поводу не были особенно дружескими. Союзники были недовольны другъ другомъ.

Медаль, выбитая по случаю командованія Петромъ I четырьмя флотами.

Со снимка, находящагося въ изд. Иверсена „Медали на дѣянія Петра Великаго“.

Въ концѣ августа, царь опять предпринималъ поѣздки съ цѣлью рекогносцированія шведскихъ береговъ. При одной изъ этихъ поѣздокъ дѣло дошло до перестрѣлки. Съ русскихъ кораблей стрѣляли по шведскимъ батареямъ; однимъ изъ выстрѣловъ съ шведскихъ батарей пнява Принцесса, на которой находился Петръ, «была ранена», какъ сказано въ «Походномъ Журналѣ».

«Генеральный консиліумъ» у царя съ министрами и генералами 1-го сентября рѣшилъ: отложить десантъ въ Шонію до будущаго лѣта. Особенно Меншиковъ, какъ видно изъ его писемъ къ царю, считалъ такой десантъ дѣломъ чрезвычайно опаснымъ. Именно на эти опасности и затрудненія было обращено вниманіе

¹⁾ Журналъ, 39.

въ конференціяхъ Петра съ королемъ датскимъ и съ русскими и датскими генералами и министрами. Существенный вопросъ состоялъ въ томъ: какъ перевезти въ такое позднее время на неприятельскіе берега тайкомъ значительное войско; высадившись, надобно дать сраженіе, потомъ брать города Ландскрону и Мальмэ, но гдѣ же зимовать, если взять эти города не удастся? Датчане указывали, что зимовать можно при Гельзингэрѣ, въ окопахъ, а людямъ подѣлать землянки. Но отъ такой зимовки, возражали русскіе, должно пропасть больше народу, чѣмъ въ сраженіи. Наконецъ, Петръ велѣлъ объявить датскому двору рѣшительно, что высадка невозможна, что ее надобно отложить до будущей весны ¹⁾.

Послѣ этого датчане, весьма недовольные Петромъ, начали требовать немедленнаго удаленія русскихъ войскъ изъ Даніи ²⁾. Отношенія между союзниками становились все болѣе и болѣе натянутыми. Петръ долженъ былъ дѣйствовать осторожно: онъ боялся измѣны со стороны датчанъ. Зачѣмъ такая медленность съ ихъ стороны? Зачѣмъ дана неприятелю возможность укрѣпиться? Получались извѣстія, что министръ англійскаго короля Георга, Бернсторфъ, съ товарищами ведетъ крамолу, что генераль-кригсъ-комиссаръ Шультенъ подкупленъ и нарочно медлитъ транспортомъ, чтобы заставить русскихъ сдѣлать высадку въ осеннее, самое неудобное время: «вѣдая», по словамъ Петра, «что когда въ такое время безъ разсужденія пойдемъ, то или пропадемъ, или такъ отончаемъ, что по ихъ музыкѣ танцовать принуждены будемъ» ³⁾.

Въ сентябрѣ 1716 г., дѣло едва не дошло до кризиса. Союзники обвиняли другъ друга въ измѣнѣ. Король датскій, въ появившейся немного позже особой «декларациі о причинахъ, заставившихъ его отказаться отъ предполагаемаго десанта» ⁴⁾, говорилъ, что царь нарочно медлитъ перевозкой своихъ войскъ, а затѣмъ, подъ предлогомъ поздняго времени, не хотѣлъ высаживаться на шведскіе берега, потому что находится въ сношеніяхъ съ шведскимъ правительствомъ.

Въ Пруссіи тогда говорили, что Петръ за оказанную Даніи помощь требовалъ датской Помераніи, и что Данія не только со-

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 59.

²⁾ Lamberty, «Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle», IX, 626.

³⁾ Сообщено Соловьевымъ, XVII, 59. Гдѣ, когда, кому все это было сказано Петромъ? Нельзя не сожалѣть, что Соловьевъ не сообщилъ подробностей.

⁴⁾ Мы пользовались брошюрой «La crise du Nord», появившейся въ 1717 году. Декларациа эта напечатана также у Ламберти «Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle», 624—627.

гласилась на эту уступку, но даже предлагала царю въ добавокъ Штетинъ; прусское правительство, рассчитывавшее на пріобрѣтеніе Штетина, должно было негодовать на царя за такія намѣренія; недоброжелатели Россіи, очевидно, хотѣли сбѣять раздоръ между Петромъ и вѣрнѣйшимъ изъ его союзниковъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I ¹⁾).

Защитники несчастнаго Мекленбурга, ганноверское и англійское правительства, распускали слухъ, что Петръ измѣнилъ союзникамъ, что маска снята, что онъ не хочетъ сдѣлать десанта, такъ какъ желаетъ заключить сепаратный миръ. Наконецъ, даже въ Даніи стали говорить о замыслахъ Петра противъ самой Даніи. Не могъ же онъ, говорили тамъ, безъ всякой цѣли привести въ Данію такое большое войско; надобно опасаться его враждебныхъ замысловъ, надобно беречь Копенгагенъ! Въ Копенгагенѣ поставили всю пѣхоту по валамъ и прорѣзали на валахъ амбразуры ²⁾. Жителямъ Копенгагена тайкомъ внушали, что необходимо вооружиться для отраженія ожидаемаго нападенія ³⁾.

Все это происходило въ то самое время, когда датскимъ королемъ въ честь царя и царицы были устраиваемы придворныя празднества и когда Петръ находился въ довольно благопріятныхъ отношеніяхъ къ адмиралу Норрису ⁴⁾. А именно Норрисъ и могъ сдѣлаться опаснымъ царю.

Со стороны Англии въ это время намѣревались нанести ударъ Петру, русскому флоту и русскому войску. Англичане хотѣли разомъ положить конецъ значенію Россіи на Балтійскомъ морѣ. Есть свѣдѣніе, что король Георгъ I поручилъ адмиралу Норрису напасть на русскіе корабли и транспортныя суда, арестовать самого Петра и этимъ принудить его со всѣмъ войскомъ и флотомъ тотчасъ же удалиться въ Россію. Къ счастью, англійскіе министры выставили на видъ, что столь насильственный образъ дѣйствій можетъ имѣть чрезвычайно пагубныя послѣдствія, и что прежде всего пострадаютъ англійскіе кушцы, находящіеся въ Россіи. По другимъ извѣстіямъ, Норрисъ не могъ исполнить приказанія, потому что оно было прислано изъ ганноверской, а не изъ англійской канцеляріи ⁵⁾. О Норрисѣ рассказывали даже, будто онъ брался уничтожить весь русскій флотъ и перерѣзать въ одну ночь

¹⁾ Droysen, «Gesch. d. preuss. Pol.» IV, 174.

²⁾ Соловьевъ, XVII, 59.

³⁾ Droysen, IV, 174.

⁴⁾ Журналъ 1716 г., 90—95.

⁵⁾ Соловьевъ, XVII, 60.

всѣ русскія войска, находившіяся на островѣ Зеландіи. Переполюхъ, впрочемъ, скоро кончился, потому что съ русской стороны не обнаруживалось никакого враждебнаго намѣренія. Англичане довольствовались внимательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями царя, о которомъ отзывались въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, утверждая, что для укрѣпленія своего господства на Балтійскомъ морѣ онъ мечтаетъ о присоединеніи Мекленбурга къ Россіи ¹⁾. Король Георгъ I обратился къ императору Карлу VI съ требованіемъ, чтобы тотъ, въ качествѣ главы германской имперіи, подумалъ о средствахъ къ спасенію Сѣверной Германіи отъ перевѣса могуще-

Лейбницъ.

Съ гравированнаго портрета Штейнге.

ства Петра и принудилъ бы послѣдняго удалиться въ Россію ²⁾. Изъ Ганновера не переставали приходять въ Берлинъ внушенія, что царь хочетъ овладѣть Гамбургомъ, Любекомъ, Висмаромъ и укорениться въ имперіи. Къ счастью для Петра, Фридрихъ Вильгельмъ I оставался его вѣрнымъ союзникомъ, обо всемъ сообщалъ русскому посланнику Головкину и въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ говорилъ о Россіи ³⁾.

¹⁾ Mahon, «History of England», I. 342. «It is certain, that if the Czar be let alone three years, he will be absolute master in those seas».

²⁾ Droysen, IV, 2, 177—181.

³⁾ Соловьевъ, XVII, 61. Droysen, IV, 2. 210.

Несмотря на всѣ эти опасности, грозившія въ Даніи царю и его войску, пребываніе Петра въ Копенгагенѣ окончились довольно благополучно. Въ первыхъ числахъ октября, царскія войска начали обратно перевозиться изъ Даніи въ Мекленбургъ. Происходили разные увеселенія при датскомъ дворѣ. Царь и король обмѣнялись любезностями и учтивостями и увѣреніями въ дружбѣ. Но были также признаки недовѣрія и сильной подозрительности.

Очевидно, союзники Россіи боялись ея. Считали возможнымъ, что царь поступитъ съ своими союзниками въ западной Европѣ такъ же, какъ онъ поступалъ въ Польшѣ. Петра считали спо-

Герцогъ Филиппъ Орлеанскій.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

собнымъ ко всевозможнымъ интригамъ, къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ. Поэтому, нужно было придумать поводы удалить его и его войско изъ западной Европы. Съ разныхъ сторонъ дѣлались усилія возбудить въ общественномъ мнѣніи цѣлой Европы враждебныя чувства противъ царя. Образовалась цѣлая литература по этому предмету. Въ различныхъ брошюрахъ посыпались жалобы на образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Помераніи, Мекленбургѣ и Голштиніи. Побѣды Россіи въ одной брошюрѣ названы предвѣщаніемъ свѣтопреставленія ¹⁾.

¹⁾ См. нѣкоторыя подробности объ этой полемикѣ въ моей статьѣ «Путешествія Петра» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», СІІ, 186 и слѣд.

Важнѣйшее мѣсто между этими произведеніями публицистики занимаетъ явившаяся въ переводѣ съ англійскаго языка въ 1717 году брошюра «Кризисъ сѣвера, или безпристрастное разсужденіе о политикѣ царя, по поводу датской деклараціи относительно несостоявшагося десанта въ Шоніи». Авторомъ англійскаго подлинника, который, какъ кажется, вовсе не былъ напечатанъ, считался графъ Карлъ Гилленборгъ.

Содержаніе этой брошюры слѣдующее: послѣ общей характеристики Петра, его способностей, его «чисто политическаго духа», говорится о его честолюбіи, о его страсти къ накопленію богатствъ и къ расширенію могущества, о его путешествіи по Европѣ въ 1697 и 1698 годахъ, и особенно о его пребываніи въ Англии, имѣвшемъ цѣлью дать Россіи возможность построить флотъ. Далѣе указано, не безъ сожалѣнія, на неосторожность королей польскаго и датскаго при заключеніи союза съ царемъ, на умѣнье Петра воспользоваться ошибками, сдѣланными Карломъ XII, и на основаніе Петербурга. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ исторіи дипломатическихъ переговоровъ о мирѣ, краткое замѣчаніе о значеніи Полтавской битвы и указаніе на намѣреніе Петра завоевать не только Лифляндію, Эстляндію и Финляндію, но, со временемъ, и всю Швецію. Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ говорится о коварствѣ Петра въ обращеніи съ союзниками, т. е. съ Польшею и Даніею, которыхъ онъ заставлялъ будто по пустому тратить силы и средства на борьбу съ Швеціею, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи тѣмъ удобнѣе воспользоваться изнеможеніемъ этихъ государствъ для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, Россія сдѣлается въ ближайшемъ будущемъ соперницею Англии, захвативъ въ свои руки всю торговлю на сѣверѣ Европы, а также торговлю съ Персіею и Турціею, что, при успѣшномъ развитіи промышленности въ Россіи, становится еще болѣе вѣроятнымъ и удобоосуществимымъ. Наконецъ, авторъ прямо обвиняетъ Петра въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду взять себѣ островъ Готландъ, но, убѣдившись въ невозможности привести въ исполненіе этотъ планъ, онъ отказался отъ участія въ предпріятіи на Шонію, чѣмъ нанесъ сильный ущербъ интересамъ своихъ союзниковъ. Потомъ говорится о слухахъ, касательно тайныхъ переговоровъ между Петромъ и Карломъ XII; такой образъ дѣйствій автору кажется предосудительнымъ; Петръ характеризуется, какъ интриганъ, каждую минуту готовый жертвовать пользою своихъ союзниковъ. Изъ всего этого, по мнѣнію автора, слѣдуетъ, что царь сдѣлался чрезвычайно опаснымъ для всей Европы и т. д. Поэтому, нужно остере-

регаться его, противодействовать ему и, между прочимъ, препятствовать сближенію Карла XII съ Петромъ; иначе же все христіанство не перестанетъ беспокоиться. Однимъ словомъ, дѣло дошло до кризиса, и это обстоятельство заставляетъ каждого желать мира и покоя. Нужно всѣми мѣрами стараться возвратить Швецію ея прежнее значеніе и пр.

Какъ видно, ничтожность Россіи, по мнѣнію автора этой брошюры, «*La crise du Nord*», считалась условіемъ счастья Европы. Въ видахъ интересовъ всей западной Европы вообще, а Англии, Голландіи и Швеціи въ особенности, возстановленіе прежняго положенія на сѣверо-востокѣ, каково оно было до 1700 года, казалось автору необходимымъ средствомъ мира и тишины.

Таковы были результаты пребыванія Петра въ Сѣверной Германіи и въ Даніи. Онъ могъ быть доволенъ тѣмъ громаднымъ значеніемъ, какое получила Россія. Въ письмѣ къ царевичу Алексѣю, отъ 11-го октября 1715 года, онъ говоритъ: «всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристанями, но и разумнымъ очамъ къ нашему недоборѣнію добрый задержали завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискusstва въ войнѣ, претерпѣли и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени выперѣченнаго руководителя помощію дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не ваящѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Чтò все, помогающе Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами достигнуто». Говоря затѣмъ о значеніи военнаго искусства, царь замѣчаетъ, что «воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ».

Все это, сказанное Петромъ наканунѣ его путешествія въ западную Европу, подтвердилось еще болѣе событіями 1716 года. Хотя и не произошло никакихъ особенно замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій, все-таки приготовленія къ десанту въ Шонію обнаруживали необычайную предприимчивость и смѣлость Петра, показывали, что Россія и на сушѣ, и на морѣ располагала весьма значительными средствами. Опасенія, высказываемыя на западѣ относительно становившагося тягостнымъ перевѣса Россіи, могли служить мѣркою результатовъ усилій Петра.

Пребываніе въ Голландіи.

На пути изъ Копенгагена въ Голландію, позднею осенью 1716 года, Петръ остановился въ Шверинѣ. Сюда явился и гессенъ-кассельскій дипломатъ Кетлеръ, начавшій, какъ мы видѣли, во время пребыванія Петра въ Пирмонтѣ, переговоры о сепаратномъ мирѣ со Швецію. Изъ донесенія Кетлера о переговорахъ, происходившихъ въ Шверинѣ, видно, что Петръ изъявилъ готовность возвратить Швеціи Финляндію, за исключеніемъ Выборга, между тѣмъ какъ Кетлеръ непремѣнно хотѣлъ удержать за Швецію Петербургъ и всю Лифляндію. Любопытно то обстоятельство, что при этомъ случаѣ зашла рѣчь и о Польшѣ, и что Петромъ было выражено желаніе сохранить тамъ ограниченіе монархической власти ¹⁾.

Затѣмъ, въ мѣстечкѣ Гавельбергѣ (12—17 ноября), происходило свиданіе между Петромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Прусскій король крѣпко держалъ сторону Россіи. Когда Петръ, еще изъ Копенгагена, далъ знать берлинскому двору, что высадка въ Шонію отложена, то здѣсь безъ возраженія приняты были причины, представленныя царемъ, и вся вина сложена на датчанъ. Самъ король объявилъ Головкину, что считаетъ всѣ внушенія ганноверскаго двора ложными, происходящими отъ личной злобы Бернсторфа, и поэтому отклонилъ свиданіе съ англійскимъ королемъ. Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія о разныхъ замыслахъ царя, но Фридрихъ-Вильгельмъ не обращалъ на это никакого вниманія и, въ противность ганноверскому правительству, внушалъ царю, чтобъ онъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Мекленбурга, потому что, если шведскій король нападетъ на Данію, то безъ русскихъ войскъ ни Даніи, ни Пруссіи нельзя будетъ съ ними успѣшно бороться, а король англійскій не поможетъ ²⁾. При такихъ обстоятельствахъ встрѣча короля съ царемъ достигла своей цѣли. Петръ писалъ изъ Гавельберга Екатеринѣ, оставшейся въ Шверинѣ; «о здѣшнемъ объявляю, что нашъ пріѣздъ сюды не даромъ, но съ нѣкоторою пользою ³⁾»; а къ Апраксину: «мы здѣсь, по желанію ко-

¹⁾ Dass nicht zugegeben werden dürfe, dass sich darüber jemalen einer Souverain machte, см. «Herrmann», «Peter d. Grosse u. d. Zarewitsch Alexei», стр. XV.

²⁾ Соловьевъ, XVII, 61.

³⁾ Письма р. гос., I, 50.

роля прусскаго, пріѣхали и мѣсто небезполезное учинили» ¹⁾. Прежній союзъ между Пруссіей и Россіей былъ скрѣпленъ. Король обязался, въ случаѣ нападенія на Россію съ какой-либо стороны съ цѣлью отнять у нея завоеванныя у шведовъ области, гарантированныя Пруссіею, помогать Россіи или прямо войскомъ, или диверсіей въ земли нападчика. Немного позже Фридрихъ Вильгельмъ письменно увѣрялъ царя въ постоянствѣ своей дружбы, прося его быть увѣреннымъ, что никто не будетъ въ состояніи когда-либо расторгнуть союзъ Пруссіи съ Россіей ²⁾. Прощаясь съ царемъ, король подарилъ ему великолѣпную яхту и «янтарный кабинетъ» ³⁾. Въ свою очередь, царь обѣщалъ королю прислать ему пятьдесятъ великановъ изъ русскихъ солдатъ для его гвардіи ⁴⁾.

Довольно важнымъ оказалось пребываніе Петра въ Гавельбергъ въ слѣдующемъ отношеніи. Въ сентябрѣ 1716 года, прусскій король заключилъ съ Франціею секретное условіе объ охраненіи утрехтскаго и баденскаго договоровъ и объ умиротвореніи сѣвера; по случаю свиданія съ Петромъ въ Гавельбергѣ, Фридрихъ Вильгельмъ счелъ нужнымъ побудить царя слѣдовать той же политикѣ и присоединиться съ этой цѣлью къ союзу. Этотъ вопросъ былъ предметомъ бесѣдъ въ Гавельбергѣ, причемъ однако король не открывалъ царю, что онъ уже заключилъ договоръ съ Франціею. Пруссскій дипломатъ Кнингаузенъ затѣмъ былъ отправленъ въ Голландію, съ цѣлью дѣйствовать на царя въ этомъ направленіи ⁵⁾.

6 декабря 1716 года, Петръ прибылъ въ Амстердамъ. Туда же, въ началѣ февраля 1717 г., прибыла и Екатерина, послѣ того какъ она въ Везелѣ, 2 января, родила царевича Павла Петровича, скончавшагося тотчасъ же послѣ рожденія ⁶⁾.

Въ Голландіи Петръ оставался нѣсколько мѣсяцевъ. Впродолженіе этого времени онъ былъ занятъ столько же вопросами внѣшней политики, сколько приобрѣтеніемъ разностороннихъ свѣдѣній въ области хозяйства, наукъ и искусствъ. Во время перваго пребыванія царя въ Голландіи (1697—98), онъ былъ юно-

¹⁾ Мат. для ист. р. флота, II, 156.

²⁾ Droysen, IV, 2, 210.

³⁾ Письма р. гос. I. 50. *Mém. de Frédérique Sophie Wilhelmine*, Brunswick, 1810, I. 45. Сборникъ моск. главнаго архива, вып. I.

⁴⁾ Scheltema, II, 7.

⁵⁾ См. записку Л. Ле-Драна, сост. въ 1726 г., напеч. въ XXXIV т. Сб. ист. О.

⁶⁾ Петръ приписывалъ этотъ несчастный случай пренебреженію, оказанному царичѣю во время ея путешествія чрезъ Ганноверскія владѣнія. См. Соловьева, XVII, 63.

шею; его занимало главнымъ образомъ кораблестроеніе; двадцатью годами позже, онъ пріѣхалъ въ Голландію съ гораздо большимъ запасомъ свѣдѣній, съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Въ первый свой пріѣздъ онъ явился въ Голландію неопытнымъ государемъ малоизвѣстнаго, чуждаго Европѣ Московскаго царства, нынѣ же онъ могъ считаться представителемъ великой державы, знаменитымъ полководцемъ, вліятельнымъ членомъ союза государствъ, заключеннаго противъ Швеціи. Со времени перваго пребыванія Петра въ Голландіи, дипломатическія сношенія между Россіей и Нидерландами сдѣлались болѣе оживленными. Съ тѣхъ поръ русскіе дипломаты въ Амстердамѣ и въ Гаагѣ, Матвеевъ и Куракинъ, играли довольно важную роль. Россія все болѣе и болѣе участвовала въ обще-европейскихъ дѣлахъ, а главный городъ въ Нидерландахъ, Гаага, именно въ это время сдѣлался средоточіемъ дипломатическихъ дѣлъ въ Европѣ ¹⁾).

Мы видѣли выше, какъ возрастающее могущество Россіи не нравилось генеральнымъ штатамъ. Между царемъ и Голландіею, наканунѣ пріѣзда Петра въ Амстердамъ, происходили разныя, хотя и не особенно важныя дипломатическія столкновенія. Въ Голландіи не одобряли образа дѣйствій Петра, въ Данцигѣ опасались, что русскіе станутъ мѣшать свободѣ торговли на Балтійскомъ морѣ, жаловались на притѣсненія голландскихъ купцовъ въ Россіи и пр.

Изъ писемъ шведскаго дипломата Прейса, въ то время находившагося въ Гаагѣ, видно, что генеральные штаты не особенно обрадовались пріѣзду царя. Ходили слухи о намѣреніи Петра продолжать въ Голландіи тайные переговоры о мирѣ съ Швеціею. Шведскій дипломатъ, баронъ Гёрцъ, еще до пріѣзда Петра въ Голландію, находился въ сношеніяхъ съ Куракинымъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что поѣздка Петра въ Голландію состояла въ самой тѣсной связи съ этими переговорами, хотя и объ этой, такъ-сказать, закулисной исторіи дипломатическихъ сношеній до насъ дошли лишь весьма отрывочныя данныя.

Въ концѣ февраля Петръ заболѣлъ, но именно во время болѣзни его происходили довольно важные переговоры между Россіею и Англіей. Петръ намѣревался имѣть свиданіе съ королемъ Георгомъ; послѣдній пробылъ нѣкоторое время въ Ганноверѣ и чрезъ Голландію вернулся обратно въ Англію. Въ кружкахъ

¹⁾ Гашаръ (Gachard) замѣчаетъ въ «Bulletin de l'acad. royale de Belgique» 1878, т. 46, стр. 511: «on sait que le Haye était considérée, à cette époque, comme le centre des négociations de l'Europe».

дипломатовъ разсказывали, что свиданіе царя съ королемъ должно было состояться въ одномъ мѣстечкѣ между Утрехтомъ и Лейденомъ. По другимъ извѣстіямъ, мѣстомъ свиданія былъ назначенъ городъ Флардингенъ ¹⁾. Свиданіе не состоялось, отчасти по случаю болѣзни царя, но особенно, какъ кажется, вслѣдствіе нѣкотораго разлада между Россіею и Англіей. Поводомъ къ этому разладу послужилъ вопросъ о русскихъ войскахъ, находившихся въ Сѣверной Германіи. Пока эти войска оставались въ Мекленбургѣ, англійскій король считалъ положеніе ганноверскихъ владѣній опаснымъ. Поэтому онъ старался принудить царя къ выводу своихъ войскъ изъ Сѣверной Германіи. Переговоры объ этомъ происходили именно во время болѣзни Петра, въ Гаагѣ. Однако Петръ не обращалъ вниманія на просьбы и представленія англійскаго короля, императора, германскаго сейма и отвѣчалъ всѣмъ въ общихъ выраженіяхъ. Изъ бесѣдъ съ барономъ Шафировымъ, политическія способности котораго произвели глубокое впечатлѣніе на императорскаго посла, барона Геемса, послѣдній узналъ о полномъ разладѣ между союзниками и изъ этого заключилъ, что можно ожидать скорого заключенія мира со Швеціею ²⁾. Англичане грозили насильно принудить русскія войска оставить Мекленбургскую область, а русскіе дипломаты грозили сосредоточить еще большее количество войска въ Сѣверной Германіи. Такимъ образомъ, отношенія къ Англіи остались неопредѣленными. Шведскій дипломатъ Прейсъ писалъ въ это время: «Геемсъ говорить, что трудно выразить ту ненависть, которую онъ встрѣтилъ въ министрахъ царя къ англійскому королю; она доходитъ до того, что Шафировъ назвалъ Бернсторфа мошенникомъ (fripon)» ³⁾.

Особенно натянутыми оставались отношенія Петра къ Даніи. Именно въ это время явилась вышеупомянутая «декларация» Даніи по поводу несостоявшейся высадки въ Шонію. Изъ донесеній Прейса мы узнаемъ, какъ рѣзко говорилъ царь объ этой манифестаціи короля Фридриха IV. Скоро появилась и другая брошюра «Письмо одного мекленбургскаго дворянина къ своему другу въ Копенгагенъ», въ которой были выставлены на видъ интриги Даніи и въ которой образъ дѣйствій царя оправдывался во всѣхъ отношеніяхъ ⁴⁾. Утѣшеніемъ въ это тяжелое

¹⁾ Чтенія М. О. И. и др., 1877. II. 8. Herrmann, «P. d. Gr. u. Zar. Alexei» 191—192.

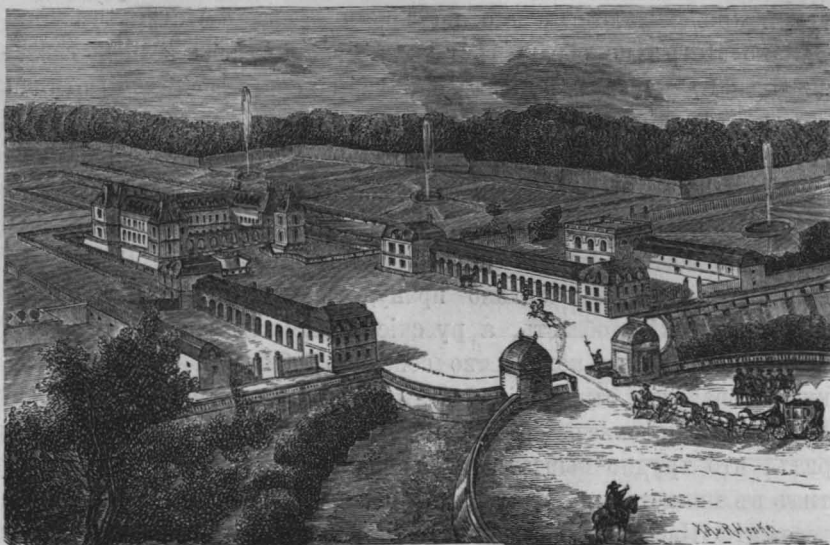
²⁾ Lamberty, X, 105—108.

³⁾ Чтенія, 1877. II. 7—8.

⁴⁾ Lamberty, IX, 628—636.

время были дружескія отношенія съ Пруссіею. Фридрихъ Вильгельмъ I и его министръ Ильгенъ постоянно говорили о необходимости тѣсной дружбы между обѣими державами ¹⁾.

Среди всѣхъ этихъ заботъ, о которыхъ свидѣлствуетъ многосложная переписка царя съ Меншиковымъ, Шереметевымъ, Апраксинымъ и др., было получено изъ Англіи важное извѣстіе объ арестованіи шведскаго посла Гилленборга, по случаю открытія тайныхъ сношеній Швеціи съ партіей претендентовъ-Стюартовъ. Сообщая объ этомъ происшествіи царю, русскій посолъ Веселовскій называлъ этотъ случай «очень полезнымъ интересамъ вашего

Видъ Версаля въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной французской гравюры.

царскаго величества». Петръ былъ дѣйствительно радъ этому эпизоду и ожидалъ войны между Англіею и Швеціею. Къ Апраксину онъ писалъ: «нынѣ не правда-ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя (Карла XII) пилъ? ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ». Тотчасъ онъ отправилъ подробныя инструкціи Веселовскому о предложеніи Англіи русской помощи въ случаѣ войны. Тѣмъ не менѣе, отношенія между Россіею и Англіею оставались холодными. Къ тому же, въ бумагахъ, най-

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 73—74.

денныхъ у Гилленборга, было упомянуто о русскомъ дворѣ, именно о царскомъ медикѣ Эрскинѣ (Areskin), приверженцѣ Стюартовъ. По поводу этого дѣла возникла переписка съ англійскимъ дворомъ. Царь отправилъ въ Англію Толстого, но Толстой былъ принятъ холодно, и отношенія между Англіею и царемъ оставались натянутыми ¹⁾.

Пребываніе Петра въ Парижѣ.

Мы не знаемъ, въ какое время Петръ рѣшилъ отправиться въ Парижъ. Рассказывали, будто Петръ еще при жизни короля Людовика XIV изъяснилъ желаніе видѣть Францію, но что король

Ментенонъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

не желалъ пріѣзда царя ²⁾. Мы видѣли, что Людовикъ XIV не разъ возобновлялъ попытки сблизиться съ Россіею. Послѣ кончины этого короля, малолѣтній Людовикъ XV въ весьма учтивомъ письмѣ къ царю сообщилъ ему о случившейся во Франціи пере-

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 664—7.

²⁾ Scheltama, II, 33.

мѣнѣ¹⁾. Многія обстоятельства, между прочимъ польскія дѣла, мѣшали сближенію обѣихъ державъ. Зато Пруссія заботилась о дружескихъ отношеніяхъ между Франціею и Петромъ²⁾. Царь первымъ условіемъ союза съ Франціею поставилъ гарантію съ ея стороны всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Россіей въ Сѣверную войну. Хотя Франція и не соглашалась на это условіе, Петръ все-таки могъ надѣяться чрезъ посѣщеніе французской столицы найти новое средство для достиженія желанной цѣли, для заключенія выгоднаго мира съ Швеціею.

Французское правительство во все время путешествія царя, въ 1716 году, искало случаевъ вступить въ сношенія съ Россіею. Въ Петербургъ былъ отправленъ дипломатическій агентъ, де-Лави, что, между прочимъ, сильно не понравилось шведамъ. Было намѣреніе отправить въ Пирмонтъ, во время пребыванія тамъ царя, графа Ла-Марка для переговоровъ, однако кратковременность пребыванія царя въ Пирмонтѣ помѣшала исполненію этого намѣренія³⁾.

Царь выѣхалъ изъ Голландіи въ концѣ марта. О его отношеніяхъ къ республикѣ въ донесеніяхъ Прейса сказано между прочимъ: «полагаютъ, что царь уже болѣе не возвратится сюда, обстоятельство, которое всѣми толкуется какъ признакъ неудовольствія на штаты. Не подлежитъ сомнѣнію, что его нынѣшнее пребываніе отличалось отъ прежняго меньшею къ нему предупредительностью и не представляло много пріятностей. Вообще, здѣсь стали теперь отзываться о царѣ съ гораздо меньшимъ уваженіемъ» и пр.⁴⁾.

Пребываніе Петра въ австрійскихъ Нидерландахъ, гдѣ всюду царю былъ оказанъ торжественный пріемъ, не имѣло особеннаго политическаго значенія. Въ Антверпенѣ онъ осмотрѣлъ весьма тщательно достопримѣчательности города. Въ Брюсселѣ еще нынѣ противъ фонтана, изъ котораго царь выпилъ воды, возвышается памятникъ, состоящій изъ колонны съ бюстомъ Петра⁵⁾.

Отправившись чрезъ Брюгге и Остенде во Францію, Петръ, вступивъ на французскую землю, подвергся значительной опасности. Его любопытство все видѣть, эта господствующая, по выра-

¹⁾ Lamberty, IX, 619—620.

²⁾ См. бесѣды Ильгена съ Головкинымъ у Соловьева, XVII, 68—74.

³⁾ См. разные документы, свидѣтельствующіе о стараніи Франціи сблизиться съ царемъ въ Сб. И. О. XXXIV, 490—517.

⁴⁾ Чтенія, 1877, II, 10—11.

⁵⁾ См. подробности объ этомъ памятникѣ въ моей статьѣ «Путешествія Петра и пр.» въ «Р. Вѣстникѣ», т. CLI, 644.

женію австрійскаго намѣстника, маркиза де-Пріе, страсть Петра, едва не стоила ему жизни. Пользуясь отливомъ, онъ захотѣлъ объѣхать дюнкирхенскую банку и отправился на нее въ каретѣ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ; приливъ начался съ необыкновенною быстротою, и вода покрыла дорогу, на которой находился царь; онъ едва имѣлъ достаточно времени, чтобъ отпречь одну изъ лошадей и ускакать верхомъ отъ грозившей ему опасности ¹⁾.

Во Франціи были приняты мѣры для того, чтобы встрѣтить всюду царя съ подобающею ему честью, хотя имъ было выражено желаніе путешествовать инкогнито ²⁾. Однако на пути въ Парижъ онъ нигдѣ долго не оставался. Франція, какъ кажется, не произвела на него благопріятнаго впечатлѣнія. Послѣ посѣщенія имъ самыхъ богатыхъ тогда въ Европѣ странъ, голландскихъ и австрійскихъ Нидерландовъ, его поражала бѣдность населенія во Франціи ³⁾.

Въ Парижѣ были приготовлены для царя два помѣщенія: въ Луврѣ и въ домѣ Ледигьеръ (Lesdiguières), принадлежавшемъ маршалу Виллеруа. Петръ предпочелъ помѣститься въ домѣ Ледигьеръ. На другой день послѣ пріѣзда Петра, у него былъ съ визитомъ герцогъ Орлеанскій, причемъ царь держалъ себя нѣсколько гордо. Герцогъ Орлеанскій послѣ разговора, въ которомъ участвовалъ князь Куракинъ, служившій переводчикомъ, съ похвалою отзывался объ умѣ царя. Два дня спустя, самъ король, семилѣтній Людовикъ XV, навѣстилъ царя, и при этомъ случаѣ весьма ловко сказалъ затверженную имъ рѣчь. Царь казался восхищеннымъ, цѣловалъ короля и бралъ его нѣсколько разъ на руки. Когда, на другой день, 30 апрѣля, Петръ отправился съ визитомъ въ тюиллерійскій дворецъ, юный король съ министрами и маршалами встрѣтилъ Петра на нижнемъ крыльцѣ. Петръ взялъ его на руки и, неся по лѣстницѣ, какъ рассказывали впоследствии, сказалъ: «всю Францію на себѣ несу» ⁴⁾. Этотъ анекдотъ подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ современныхъ французскихъ мемуарахъ и журналахъ не упомянуто о такихъ подробностяхъ ⁵⁾.

¹⁾ Gachard, въ Bulletin de l'Acad. Roy. I. с. 522.

²⁾ Послѣ собранія мною множества данныхъ о путешествіи Петра во Францію—см. мою статью въ «Р. Вѣстникѣ»—появился цѣлый рядъ дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ этому предмету въ XXXIV т. Сб. И. О.

³⁾ Письма р. гос., I, 66.

⁴⁾ Голиковъ, V, 318, по разсказу Ив. Ив. Неплюева.

⁵⁾ См. нѣкоторыя подробности въ «журналѣ Данжо», въ мемуарахъ герцога Сент-Симона, въ мемуарахъ Дюкло и въ документахъ, напечатанныхъ въ XXXIV т. Сб. Ист. О., а также статью Полуденскаго въ «Р. Арх.» 1865, III, 67 и слѣд.

Весьма тщательно Петръ занялся осмотромъ достопримѣчательностей города Парижа. Онъ былъ въ обсерваторіи, въ анатомическомъ институтѣ, на гобеленовой фабрикѣ, въ картинной галлерей, въ библіотекѣ. Затѣмъ онъ смотрѣлъ мастерскую, гдѣ дѣлались статуи, гулялъ въ тюйлерійскомъ саду, наблюдалъ за строеніемъ моста, былъ въ оперѣ, въ «Hôtel des invalides», въ разныхъ замкахъ, напр., въ Мёдонѣ, въ С. Клу, въ Исси, Люксембургскомъ дворцѣ, въ Версалѣ, Трианонѣ, Марли, Фонтенебло, Сень-Жерменѣ и пр. Въ Сень-Сирѣ онъ осмотрѣлъ знаменитую женскую школу, заведенную г-жею Ментенонъ, и безъ церемоній пошелъ въ комнату, гдѣ г-жа Ментенонъ, желая избѣгнуть встрѣчи съ царемъ, легла въ постель. Подойдя къ постели, онъ, не сказавъ ни слова и не поклонившись ей, посмотрѣлъ на нее и затѣмъ преспокойно опять вышелъ изъ комнаты ¹⁾.

На монетномъ дворѣ въ присутствіи царя была выбита медаль въ честь Петра, на которой была представлена при восходящемъ солнцѣ отъ земли парящая и проповѣдывающая трубнымъ глазомъ слава со стихомъ изъ Виргилія вокругъ: «Vires acquirit eundo» ²⁾.

Петръ былъ и въ Сорбоннѣ, гдѣ съ нимъ заговорили о соединеніи восточной и западной церквей, причемъ однако онъ держалъ себя осторожно и сдержанно ³⁾. Далѣе онъ осматривалъ королевскую типографію, былъ въ коллегіи, основанной кардиналомъ Мазарини, присутствовалъ при экзерциціяхъ французской гвардіи, въ засѣданіи парламента, былъ въ Академіи Наукъ и пр.

Петръ сдѣлался членомъ Академіи Наукъ. Во Франціи особенно цѣнили его географическія познанія. Карта Каспійскаго моря, которую онъ въ Парижѣ показывалъ ученому Делилю, измѣнила совершенно понятія, существовавшія на западѣ относительно формы этого моря.

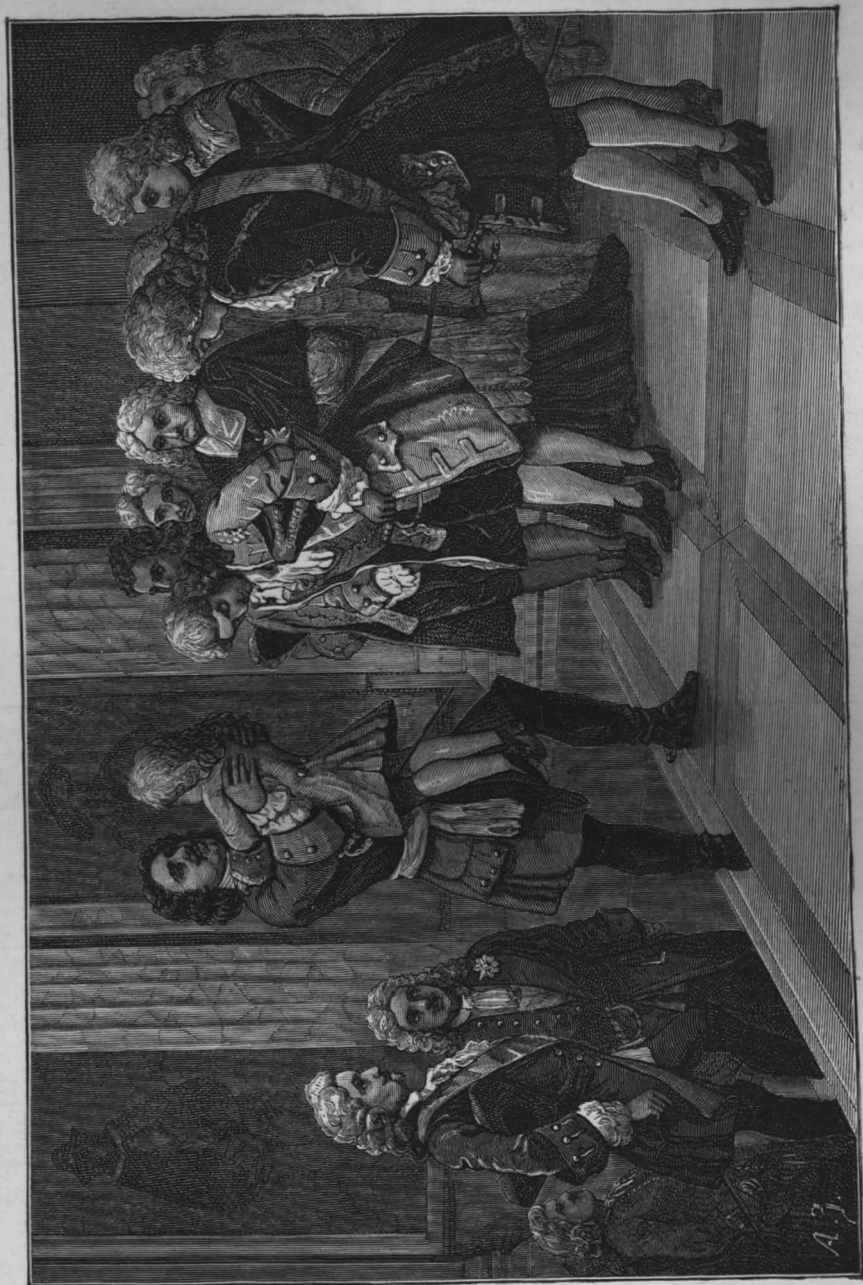
Нѣтъ сомнѣнія, что на царя парижская жизнь произвела глубокое впечатлѣніе. Нѣкоторыя мѣры, принятыя Петромъ послѣ возвращенія въ Россію, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Сюда относятся, напр., указъ объ «ассамблеяхъ», печатаніе разныхъ книгъ, мѣры къ открытію Академіи Наукъ и пр.

Впечатлѣніе, которое Петръ произвелъ на современниковъ своимъ пребываніемъ во Франціи, было весьма благопріятное. Онъ

¹⁾ Dangeau, 101 и 104. Saint-Simon, 234. Иначе у Штелина, I, 54.

²⁾ См. Иверсена «Medaillen», стр. 48.

³⁾ Pierling, «La Sorbonne et la Russie», Paris 1882.

Вотрѣча Петра Великаго съ Людовикомъ XV.
Рисунокъ художника Н. Загорскаго. Гравюра Зубчанинова въ С.П.Б.

поражалъ французовъ простотою своею одеждою: чрезмѣрная роскошь въ одеждѣ, господствовавшая во Франціи, не понравилась царю. Особенно изумляла всѣхъ любознательность Петра. Чрезвычайно выгоденъ отзывъ о Петрѣ герцога Сень-Симона, который былъ въ восхищеніи не только отъ способностей, но и отъ личности царя.

Оставляя Францію, какъ говорятъ, Петръ замѣтилъ: «жалѣю о королѣ и о Франціи: она погибнетъ отъ роскоши» ¹⁾.

Современники утверждаютъ, что французское правительство не очень обрадовалось пріѣзду царя, особенно потому, что Франція въ то время находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Англіи. Далѣе Франція находилась въ союзѣ со Швеціею и любила покровительствовать Польшѣ. Спрашивалось, могло ли при такихъ обстоятельствахъ состояться то сближеніе между Россіей и Франціей, котораго желалъ Петръ и которое было главнымъ поводомъ его путешествія въ Парижъ.

Царь надѣялся расторгнуть союзъ Франціи со Швеціею и заключить союзъ съ Людовикомъ XV; онъ хотѣлъ этимъ укрѣпить за собою завоеванныя имъ у Швеціи владѣнія. Регентъ, герцогъ Орлеанскій, поручилъ вести переговоры маршалу Тессе подъ руководствомъ маршала Юкселя (d' Nuxelles), президента совѣта иностранныхъ дѣлъ. Царскіе министры предлагали взаимную дружбу между обѣими державами и союзъ, заключеніе оборонительнаго договора, коимъ царь и король прусскій гарантировали бы Франціи Баденскій и Утрехтскій договоры, а Франція, съ своей стороны, гарантировала бы царю завоеванія и поручилась бы, что не будетъ помогать шведамъ ни прямо, ни косвенно, деньгами или войскомъ. При переговорахъ возникли разныя затрудненія. Когда русскіе министры намекнули на субсидіи, которыя Россія могла бы ожидать отъ Франціи, Тессе уклонился отъ переговоровъ по этому вопросу, пока не истечетъ срокъ обязательствъ, которыя Франція взяла на себя передъ Швеціей. Маршалъ Юксель въ особой запискѣ говорилъ, что до окончанія срока договора со Швеціею, въ 1718 году, Франція по вопросу о посредничествѣ должно ограничиться общими обѣщаніями дружбы и союза въ будущемъ ²⁾.

Во Франціи были люди, умѣвшіе цѣнить значеніе союза съ Россіею. Герцогъ Сень-Симонъ писалъ тогда въ своихъ мемуа-

¹⁾ Штелинь, I, 254.

²⁾ См. Flassan, «Histoire de la diplomatie française», IV, 445—459, и записку Ле-Драна въ Сб. И. Общ. XXXIV, стр. XXVI до XXXVIII.

рахъ: «ничто болѣе сего не могло благоприятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи (sic), а король Георгъ сильно его опасался изъ-за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи, равно какъ и императору римскому, онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе; словомъ, безспорно, что онъ былъ весьма важное лицо въ Европѣ и въ Азіи и что Франція много выиграла бы отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало-по-малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ неприличнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще долго послѣ его отъѣзда. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента; тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровержимые доводы... Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскаяваться въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіей условій» ¹⁾).

Есть основаніе думать, что именно во время пребыванія Петра въ Парижѣ, Франція съ разныхъ сторонъ получала предостереженія относительно Петра. Нѣтъ сомнѣнія, что польскіе агенты дѣйствовали на переکورъ видамъ Россіи. Такъ, напр., Сень-Симонъ замѣчаетъ, что саксонскій дипломатъ Лосъ всюду слѣдовалъ за царемъ, не столько въ качествѣ дипломата, сколько въ качествѣ лазутчика ²⁾). Новѣйшіе историки, не отрицая, что образъ дѣйствій царя и его министровъ обнаруживалъ необычайную ловкость, утверждаютъ, что чувство собственнаго достоинства, высокое понятіе о значеніи Россіи и даже нѣкоторое чванство были главнымъ образомъ замѣтны въ пріемахъ Петра во время переговоровъ.

Эти переговоры во время пребыванія Петра въ Парижѣ ни къ чему не привели. Покидая Францію, Петръ уполномочилъ барона Шафирова, Толстого и Куракина заключить союзъ съ Франціею. Договоръ былъ подписанъ только 4-го августа, въ Амстердамѣ, гдѣ Петръ находился въ то время.

Въ силу этого договора, царь и короли, французскій и прусскій, обязались поддерживать миръ, возстановленный трактатами Утрехтскимъ и Баденскимъ, также охранять договоры, которые имѣютъ прекратить Сѣверную войну. Если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію, то другіе обязаны сначала мирными сред-

¹⁾ «Mém. du duc de S. Simon», Paris, 1872, IX, 236 и 237.

²⁾ Тамъ же, IX, 254.

ствами потребовать ему удовлетворенія отъ обидчика; но, если эти средства не помогутъ, то по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ союзники должны помогать войсками или деньгами; царь и король прусскій обязуются принять медіацію короля французскаго для прекращенія Сѣверной войны, причемъ король французскій не долженъ употреблять никакого понужденія ни противъ какой стороны; король французскій обязуется также, по истеченіи срока договора, существующаго между Францію и Швеціею (въ апрѣлѣ 1718 г.), не вступать ни въ какое новое обязательство со Швеціей ¹⁾.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ заключенія этого договора было отправленіе въ Россію французскаго посла Кампредона и французскаго консула Вильярдо (Villardeau) ²⁾. Царь былъ главнымъ виновникомъ такого сближенія Россіи съ Франціею. Пребываніе въ Парижѣ положило основаніе болѣе близкимъ дипломатическимъ сношеніямъ между обѣими державами.

Спа. Амстердамъ. Берлинъ.

Во время пребыванія Петра во Франціи, считали вѣроятнымъ, что и прусскій король отправится въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ со Швеціей ³⁾. Однако эта поѣздка не состоялась.

9-го іюня, Петръ выѣхалъ изъ Парижа. Въ тотъ же день Данжо замѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что царь, уѣзжая, обѣщалъ герцогу Орлеанскому вывести свои войска изъ Мекленбурга и что англійскій король просилъ регента произвести нѣкоторое давленіе на царя въ этомъ смыслѣ. Мы не знаемъ, насколько этотъ рассказъ соотвѣтствуетъ фактамъ. Нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что и во Франціи съ нѣкоторымъ опасеніемъ слѣдили за развитіемъ могущества Россіи ⁴⁾.

Какъ бы то ни было, во время пребыванія Петра въ Спа, гдѣ онъ лечился впродолженіе четырехъ недѣль ⁵⁾, были имъ приняты мѣры для удаленія русскихъ войскъ изъ Мекленбурга. Самъ герцогъ Карлъ Леопольдъ просилъ царя объ этомъ, и герцогиня Екатерина Ивановна писала въ этомъ смыслѣ къ Петру.

¹⁾ П. С. З., № 3098. Lamberty, X, 109—112.

²⁾ Flassan, IV, 459—461.

³⁾ Донесеніе Прейса, въ Чтеніяхъ, 1877, II, 11.

⁴⁾ Dangeau, 114.

⁵⁾ Albin Body, «Pierre le Grand aux eaux de Spa», Bruxelles, 1872.

Городъ Спа весьма многимъ былъ обязанъ царю. Репутація минеральныхъ водъ, возросшая со времени пребыванія тамъ царя, привлекала уже въ 1718 и 19 годахъ гораздо большее число больныхъ, чѣмъ прежде. Въ память пребыванія Петра въ Спа, въ 1856 году поставленъ въ главной колоннадѣ у источниковъ великолѣпный бюстъ царя, выпедшій изъ мастерской знаменитаго ваятеля Рауха и подаренный городу княземъ Анатолиемъ Демидовымъ.

Въ Амстердамѣ, куда Петръ пріѣхалъ въ концѣ іюля, приходилось вести весьма важные переговоры. Для этой цѣли Куракинъ прибылъ въ Голландію нѣсколько ранѣе чѣмъ царь. Въ конференціи съ Куракинымъ, извѣстный приверженецъ Карла XII, генераль Понятовскій, сообщилъ, что графъ Гёрцъ отъѣзжаетъ къ

Медаль, выбитая по случаю посѣщенія Петромъ I парижскаго монетнаго двора.

Со снимка, находящагося въ изд. Иверсена „Медали на дѣянія Петра Великаго“.

королю въ Швецію и что лучше всего объявить ему объ условіяхъ царскаго величества, для передачи ихъ Карлу XII. Куракинъ замѣтилъ на это, что условія царя давно объявлены и что напрасно упущено драгоцѣнное время. Въ другой конференціи Понятовскій объявилъ, что видѣлся съ Гёрцомъ, который предлагаетъ такой способъ переговоровъ: король шведскій пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію на съѣздъ съ царскими министрами. Когда договоръ будетъ заключенъ, король самъ пожелаетъ видѣться съ царскимъ величествомъ. Какъ видно, обѣ стороны искренно желали мира, но до мира было еще далеко. Въ третьей конференціи, въ которой учаововалъ и шведскій дипло-

мать Прейсъ, Куракинъ объявилъ, что царь согласенъ на предложеніе Гёрца отправить своихъ министровъ въ Финляндію и желаетъ, чтобы съѣздъ былъ на островѣ Аландѣ. Наконецъ, 12-го августа, въ Лоо происходило свиданіе Куракина съ Гёрцомъ, гдѣ подтвердили все то, что было условлено съ Понятовскимъ и Прейсомъ. На вопросъ Гёрца, можно-ли допустить французскаго посла, графа де-ла-Марка, къ участию въ переговорахъ, Куракинъ отвѣчалъ: «зачѣмъ впутывать въ дѣло постороннюю державу? Особенно нужно остерегаться графа де-ла-Марка, которому поручено

„Петербургъ“, загородный домъ русскаго резидента въ Голландіи при Петрѣ I, Хр. Вранта.

Съ современной гравюры Рюйтера.

примирить англійскаго короля, какъ курфюрста ганноверскаго, съ шведскимъ королемъ». Гёрцъ согласился съ этимъ мнѣніемъ ¹⁾.

Хотя все это происходило въ секретѣ, но все-таки тотчасъ же распространились слухи о желаніи царя заключить сепаратный миръ со Швеціею ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 79.

²⁾ Lamberty, X, 117.

Въ то же время происходили переговоры между англійскими и русскими министрами. Норрисъ и Витвортъ имѣли конференцію съ Куракинымъ о заключеніи союза и торговаго договора, о мѣрахъ къ заключенію мира со Швеціею и о турецкихъ дѣлахъ. Относительно мира со Швеціею царскіе министры замѣтили, что «по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и по всегдашнему жестокоству короля шведскаго безъ принужденія его царское величество не видитъ къ тому способа» и пр. ¹⁾. Скоро послѣ этой конференціи Норрисъ имѣлъ аудіенцію у царя и былъ принятъ весьма благосклонно. Немного позже англичане узнали всѣ подробности сношеній царя и Куракина съ Гёрцомъ ²⁾.

Что касается отношеній Петра къ Голландіи во время послѣдняго пребыванія его въ этой странѣ, то вопросъ о Данцигѣ, захватъ голландцами шведскаго судна, взятаго русскими каперами, и опасенія голландцевъ на счетъ чрезмѣрно быстрого развитія русской торговли и промышленности, мѣшали установленію болѣе тѣсной дружбы. Всѣ старанія заключить торговый договоръ между Россіею и Нидерландами оказались тщетными ³⁾. Къ тому же, отношенія Куракина къ Гёрцу сдѣлались извѣстными въ Голландіи, что также произвело неблагопріятное впечатлѣніе на генеральные штаты. Все это, разумѣется, не мѣшало взаимнымъ любезностямъ и соблюденію внѣшнихъ формъ учтивости и привѣтствія. Городъ Амстердамъ, во время присутствія тамъ царя, сдѣлался мѣстопробываніемъ многихъ политическихъ дѣятелей, министровъ, дипломатовъ, которые побывали съ визитами у царя. Жители города устраивали празднества разнаго рода ⁴⁾. Магистратъ старался угождать царицѣ Екатеринѣ, оставшейся въ Амстердамѣ во время пребыванія Петра во Франціи и въ Бельгіи.

Петръ въ Голландіи, въ 1717 году, особенно занимался изученіемъ всего того, что относилось въ торговлѣ. Поэтому-то его интересовалъ коммерческій флотъ голландцевъ. Далѣе, онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ художниками и учеными, покупалъ картины и книги, осматривалъ разныя коллекціи и пр.

Изъ Амстердама, осенью, Петръ чрезъ Магдебургъ отправился въ Берлинъ, гдѣ въ продолженіе всего этого времени происходили

¹⁾ Мат. для ист. флота, IV, 141—145.

²⁾ Herrmann, «Peter d. Gr.», 193. Письмо Робетона отъ 8—19 октября, 1717 г.

³⁾ Scheltema, II, 58—65, 313—315. Lamberty, X, 113, 117.

⁴⁾ Особеннымъ оживленіемъ отличались празднества въ честь Петра, устроенныя русскимъ резидентомъ въ Голландіи, Брантомъ, въ загородномъ его домѣ, названномъ имъ «Петербургомъ».

переговоры объ условіяхъ мира со Швеціею и гдѣ еще за нѣсколько дней до пріѣзда царя происходили конференціи между русскими и прусскими министрами.

У современниковъ ходили разные слухи о странностяхъ Петра во время его пребыванія въ Берлинѣ. Онъ отличался особенною бережливостію ¹⁾. Что касается политическихъ дѣлъ, то былъ учиненъ концертъ. Гавельбергскій договоръ былъ возобновленъ и утвержденъ во всѣхъ пунктахъ такимъ образомъ, что, если кто изъ сѣверныхъ союзниковъ заключить бы отдѣльный миръ со Швеціею, по которому шведы остались бы опять въ Германіи, или если кто-нибудь сталъ-бы принуждать короля прусскаго къ уступкѣ Штетина съ округомъ, то Россія и Пруссія препятствуютъ этому вооруженною силою, соединивъ свои войска. Царь, сообщивъ королю, что онъ самъ началъ вести переговоры со Швеціею о мирѣ, обязался о всѣхъ этихъ сношеніяхъ немедленно и вѣрно сообщать находящемуся при его дворѣ прусскому министру и пр. ²⁾.

Петръ не долго оставался въ Берлинѣ и чрезъ Данцигъ, Ригу, Пернаву, Ревель и Нарву возвратился въ Петербургъ.

Путешествіе царя продолжалось болѣе двадцати мѣсяцевъ. Никогда царь такъ долго не былъ въ отсутствіи. Не на отдыхъ, впрочемъ, вернулся царственный работникъ. Накопилось множество дѣлъ. Въ разныхъ письмахъ изъ Петербурга за это время говорится о безпорядкахъ, происходившихъ въ Россіи, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія царя ³⁾. Нужно было заняться разборомъ множества случаевъ злоупотребленій, судомъ надъ царевичемъ, приготовленіемъ дипломатическаго сѣзда на Аландскихъ островахъ и, на всякій случай, разными мѣрами для продолженія войны.

¹⁾ Въ запискахъ сестры Фридриха Великаго, маркграфини Байрейтской, разсказывается о пребываніи Петра въ Берлинѣ множество нелѣпностей, которыя однако перешли въ разные сочиненія о Петрѣ. Въ моей статьѣ о путешествіяхъ Петра указано («Русскій Вѣстникъ», СЛП, 97 и слѣд.) на нѣкоторыя подробности.

²⁾ Соловьевъ, XVII, 92.

³⁾ Herrmann, «Peter d. Gr.», 95 и 102.